

студенческий литературный журнал

ЭКВАТОР

0°

#1

2012

Содержание

Гринвич¹ ▶ 2

Вместо предисловия ▶ 3

Поэзия ▶ 4

МХК² ▶ 10

Проза ▶ 12

Гости ▶ 30

Бермуды³ ▶ 32

1 Нулевой меридиан, или начало путешествия по экватору.

2 Как вы, вероятно, догадались, мировая художественная культура.

3 Тридцать второй меридиан.

Главный редактор
и эксперт по спорам с авторами
Елена Макарова

Художественный редактор,
дизайнер,
верстальщик,
оформитель,
а также «Придумай Что-Нибудь На
Своё Усмотрение»

Юлия Галеева

Идейный вдохновитель и руководитель
клуба

Светлана Радченко

Эпически терпеливый консультант по
оформлению и вёрстке, которого просто
несправедливо не внести в этот список

Дмитрий Агеев

Двухминутка любви

Литературному клубу студентов БГТУ «Экватор» уже почти 5 лет, и наконец мы пришли к тому, чтобы создать свой собственный журнал. И сейчас, дорогой читатель, перед тобой его самый первый, пилотный номер. За эти годы неоднократно менялся состав, направления, стили. И этот журнал – своеобразный путеводитель по маленькой планете творчества, которую мы создали.

Начав путешествие вдоль линии экватора, вы сможете прогуляться по всем её уголкам, и, возможно, отыщете вдохновение для реализации своих собственных идей. Мы всего лишь студенты технического университета – люди, на первый взгляд, далекие от литературы. Но творчество – это не та область, где стоит вешать на людей ярлыки «технарь/гуманитарий». Человек пишет, если ему есть что сказать. И если ты тоже пишешь стихи, рассказы, статьи или обзоры – мы будем рады увидеть тебя на страницах следующего выпуска.

Приятного путешествия.

Главный редактор Макарова Елена.

Двухминутка сарказма

Вместо обильных словоизлияний ответчу на возникший у вас при взгляде на обложку вопрос Жизни, Вселенной и Всего Остального.

Почему Звезда Смерти?

Потому что литературное творчество для технаря – самая что ни на есть Тёмная Сторона Силы. Особенно чужое и нуждающееся в вычитке, главред подтвердит.

И, да, у нас действительно есть печенюшки. Они регулярно играют свою немаловажную роль в заседаниях клуба.

Художественный редактор Галеева Юлия.

Алмазы реки Конго

Каждый владеет драгоценным сокровищем – уникальностью своей души.

В.Зеланд

Способность творчества есть великий дар природы...

В. Г. Белинский

Вдохновение... Что это? На что похоже? У каждого из нас свой ответ. Но я думаю – на искру, блик света. Как сияет драгоценный камень.

Далеко отсюда, в сердце Африки, течет река Конго и с начала двадцатого века славится крупными месторождениями алмазов. Это самые распространенные драгоценные камни в мире. Их добыча – дело трудоемкое. Из огромной массы породы извлекается только один карат алмазов!

Но крупнейшая на континенте река примечательна еще кое-чем. Это река, которая пересекает линию экватора дважды.

Да, двойственность – довольно частое явление. Присуща она и творчеству. Как много времени, бывает, требуется поэту, чтобы создать легкое, простое, на первый взгляд, стихотворение! А сколько нужно сил художнику, чтобы изобразить на картине нечто понятное и знакомое? Как музыканту может быть не просто извлечь звуки, которые сложатся в запоминающуюся мелодию! Но все это стоит затраченных усилий, правда? Творчество, результат упорных трудов, есть блеск уникального алмаза. И, как любое сокровище, способно изменить настроение в лучшую сторону!

Не только экзотический мир Центральной Африки может подарить нечто прекрасное, ценное, но и любая, даже самая маленькая речушка! Да, она одна такая, для тебя любимая.

Источник твоего вдохновения.

Главная в твоей жизни.

И способная помочь отыскать самый удивительный подарок – алмаз – твое творчество.

Шамаро Анастасия.

Как только ты приступаешь к книге, все остальные оказываются на другом конце галактики. Никогда я не писал для своих жен, для матери, для отца.

Знаешь, почему авторы пишут, что посвящают книги своим близким? Потому что в конце концов масштабы собственного эгоизма начинают их пугать.

Стивен Кинг

Главный секрет творчества в том, чтобы относиться к своим идеям, как к кошкам — просто заставьте их следовать за вами.

Рэй Брэдбери

Литература – это разговор с людьми.

Иначе в ней нет никакого смысла.

Юрий Нагибин.

Книги — наши последние друзья, которые нас не обманывают, всегда остаются с нами и не попрекают нас нашей старостью.

Фаге Э.

Никогда не меняйте текст, если написали его, проснувшись посреди ночи.

Сол Беллоу

Однажды кто-то спросил Сомерсета Моэма, как он пишет – по графику или по вдохновению. «Я пишу только тогда, когда приходит вдохновение», – ответил он. – По счастью, оно приходит каждое утро, ровно в 9 часов.»
(Из книги «Война за креатив» С. Прессфилда)

Если ты берешь с собой книгу, происходит странная вещь: книга начинает собирать твои воспоминания. Стоит лишь открыть ее потом, и ты сразу переносишься туда, где читал эти страницы. Пробежал глазами первые слова — и перед тобой оживают знакомы картины, ты чувствуешь запахи, вкус мороженого, которое ел во время чтения...

Поверь, книги волшебные, ведь ничто так хорошо не удерживает воспоминания, как их страницы.

(Корнелия Функе «Чернильное Сердце»)

Стихотворение-снежинка

Звёздный цвет фонарей, рассыпаясь в ночи,
Будто шлет мне сигнал: «тут ответ поищи!»
Принимаю послание – шифр тот не прост, –
Но училась читать у упавших здесь звёзд.

Бледный подвиг луны заключается в том,
Что она – только спутник и временный дом
Для светящихся зайчиков (солнечный след!).
Но зато так не вспомнить ей собственных бед.

Снежный ком шестигранников в новый полёт
Отправляется – вверх, словно больше не лёд.
Пусть банально, но время замедлило бег,
И виною тому – свежеснежавший снег...

Шамаро Анастасия

* * *

Ты здесь сейчас, и прошлого не надо.
Не надо следовать истерзанной судьбе.
На воротнике моем следы твоей помады,
И мысли только о тебе, да, о тебе.

Ты здесь сейчас, и прошлое забуду,
Оставлю все бывшее позади.
Но далеко загадывать не буду,
Чтоб не услышать дерзкое твое «не жди».

Ты здесь сейчас, и сердцу как-то легче:
Нетрудно изломать себя внутри.
Мне хочется, чтоб мы прижались крепче,
Оставив все обиды позади.

Ты здесь сейчас, и мне другой не надо.
Ты можешь верить... можешь – нет.
Я так хочу, чтоб ты была со мною рядом
Без ссор, обид и юношеских бед.

Семаков Андрей

* * *

И что, начнем опять мы все сначала?
Начнем обманывать себя?
Душа моя давно уж одичала,
И сердце плачет, по тебе скорбя.

И чувства вновь навеяли былые,
И вновь тебя одну хочу,

Но сантименты эти, как всегда, - сырые,
Не дают пробиться лучу.

И пусть я снова испытаю
То, что когда-то долго лечил.
Но, ты поверь, я об этом мечтаю.
А может, я полюбил?

А если просто вернуть все, что было?
Вернуть те моменты игры?
Или ты навсегда мне это внушила,
Соединяя, тем самым, миры?

И пусть в моих мыслях живет расстояние,
И пусть оно держит меня,
Но, главное, чтоб не держало сознание
Далеко-далеко от тебя.

Я снова дам свободу телу
И сердце выпущу гулять.
Без проблем подчинится оно беспределу,
Попытайся мой мир поменять.

Я вновь поверю в чувство это,
И дам я волю сердцу своему,
Которое давно уже нагрето,
И равное по чувствам твоему.

Семаков Андрей

Девушка Теслы

Всё уж известно -
факты,
пределы
и результат краш-теста,
Своды инструкций
не оставляют
места тупым вопросам.
Девушка Теслы
лёгким движеньем
мягко распустит косы -
Ляжет оплётка
медной змеёю
на прикроватный столик.

В документации нет ошибок.
Разве что лишний нолик.

К ней безо всяких там первых уст
мысли слетятся скопом -

Так очевидно-невыполнимо,
 что предстаёт чудесным.
 В ком-то, наверное, двести двадцать.
 В этих всего сто десять...
 Мир человеческий, ты не пуст.
 Ты переполнен миром...

В документации нет ошибок.
 Error.
 Division by zero.

В мерном гудении проводов
 чувствам не стало места -
 Да и зачем? Всё опять сведётся
 лишь к череде проверок,
 Созданную с душой,
 со вкусом,
 с чувством глубоким меры,
 Девушку Теслы отполируют
 и приготовят к роли...

Это же просто -
 впасть в стихию новый микроконтроллер.

Как в белом шуме искать родное
 сквозь заскорузлый иней?
 Счистить помехи,
 улыбкой слабой
 встретить знакомый тембр -
 Выполнить с малым приоритетом,
 не ускоряя темпа...
 Девушка Теслы не видит время.
 Время проходит мимо.

В документации нет ошибок.
 Миссия выполняема.

Галеева Юлия

* * *

Альбом моих бредовых зарисовок
 Забыт, закончен, - преданный забвенью.
 Всего лишь только памятник взросленью,
 Теперь раскритикованный сурово.
 Альбом моих бредовых зарисовок,
 Исписанный улыбками, глазами,
 И кое-где закапанный слезами,
 Забыт.
 Теперь я начинаю новый.
 И нет нужды мне в том альбоме рыться,
 И новый я исписываю смело,

Но знаю, что вот этот юный рыцарь
 Углем там нарисован неумело.
 Хоть здесь верней подмечены и четче
 Лицо и взгляд, улыбка и одежда,
 Но он все тот же. Помню...
 Зимней ночью я рисовала смутную надежду.
 Я изменилась мало...
 И душа,
 Когда ее о том никто не просит,
 Застенчиво свои поправки вносит
 В творенья моего карандаша.

Галеева Юлия

The Game

Ты играла со мной, строя разные планы,
 Ты держала мой разум в постоянной войне.
 Но цепочку твоих бессердечных обманов
 Я раскрыл на продуманном, третьем звене.

И в дальнейшем я ждал, что ты скажешь мне
 правду

Или просто попросишь прощенья за всё.
 Но твоя негативная, лживая жажда
 Поглотила тебя, как морозы тепло.

День за днём я терпел море всякого бреда,
 Каждый раз я искал в нём хоть каплю души.
 Но в тебе не зажглась лампа белого света,
 И ушла ты сквозь тень каменистой глуши.

Бормотов Александр

Камни могут ранить, слова могут убить

Не так страшны от сабли раны,
 Не так страшна дыра от пули,
 Как слово, сказанное прямо,
 Как слово, сказанное сдуру.

Слова - мощнее пистолета,
 Слова - коварнее змеи,
 Слова - создатели Заветов,
 Слова - создатели Земли.

Слова - источники сражений,
 Слова - хранители любви,
 Слова - частицы унижений,
 Слова - вещатели души.

Слова - крупички этих строчек,
Слова - помощники людей,
Слова - спасенье одиночек,
Слова - опаснее камней!

Бормотов Александр

Современный купидон

День Валентина - чудный праздник!
Гора открыток и конфет...
День для двоих, день всех влюбленных,
ну а еще проблем букет.
Бывает так, что этот праздник
ну просто не с кем разделить:
Самостоятельно не сможешь
ты никого в себя влюбить.

В любви всегда тебе поможет
один крылатый паренек.
Из лука метко он стреляет,
ты только дай ему намек.
Но этот мальчик непорочный
совсем не катит в наши дни,
И ничего не понимает
в том, как стрелять из западни...

Не нужен нам пацан сопливый,
который держит хлипкий лук.
Нам нужен опытный наемник,
чтоб даже вид внушал испуг,
Чтобы он был два метра ростом
и мышц чтоб целая гора,
Чтобы вынослив был как трактор,
и чтоб усталость не брала.

Чтоб был не робкого десятка,
и хитрый чтоб, как рыжий лис,
Чтобы работал не за взятку,
а так, как долг ему велит.
А вместо палки СВД-шку
пусть смело в руки он берет,
Когда вдруг кончатся патроны,
он ею сверху навернет.

Чтоб, нежно тиская винтовку,
нажал он плавно на курок,
Соединяя двух влюбленных
на очень-очень долгий срок.
Пусть метко-метко он стреляет,

чтоб не была любовь так зла.
Пусть сразу насмерть убивает
любого встречного козла...

И вот итог: боец отличный,
стреляет метко, всем хорош.
Вот только рост-то нетипичный,
а парню нужен быстрый взлёт.
Здесь птичьи крылья не помогут,
возьми ты их хоть у орла.
Движок тут нужен реактивный
и из титана два крыла.

Таких ребят одну хоть роту
в простор небесный запустить,
Пусть творят счастье для народа,
чтоб все вокруг могли любить.

Егоров Евгений

Психотерапия

Сергей Иванович – терапевт.
Точнее, психотерапевт со стажем.
Приходят люди разных лет,
Да и не только люди, прямо скажем.
- Тук, тук! - скребутся в дверь.
- Да-да, кто там? Входите!
Мужчина бледный, словно тень,
Идет так тихо, будто боясь обидеть.
- Доктор, вы понимаете, меня...
Меня похитили пришельцы!
- Так вы же здесь, как вижу я!
- Да нет, я правду говорю всем сердцем!
Они там были на такой ракете...
- Ну-ну, давайте, говорите все.
- Да я перепугался больше всех на свете!
Меня на Марс перевезли,
И обещали ставить гнусный опыт,
Чтобы проверить, смогу перенести
Мучения, или начнется ропот.
А марсоход, предатель, ехал рядом,
Вот нет бы земляка спасти!
А он все пятится по почве задом
И пустоту снимает в объектив.
Я думал, ничего уж не спасет!
- И что в итоге? Отпустили?
- Да, но все не просто так.
- И как же выглядели «внеземные»?
- Зеленые такие, пальцы без фаланг...
- Мне ясно все с тобой, товарищ.

Иди в палату с миром и лечись!
И человек уходит, не прощаясь,
Волнуется, как бы «они» не ворвались.
Сергей Иваныч провожает равнодушным
взглядом:

Вот идиот! Таких ещё нам поискать.
Ведь точно знает он, что они цветом серым.
И что таких нелепых не будут похищать.
Елена Макарова

Путь истины

Счастлирое время – по ветру, по радуге, к
солнцу,
Волшебное время – искрясь,
воедино, вперед...
В созвездиях ночи - к соседям по радости
торцом,
В созвездиях нежности –
чистый негаснувший взлет.

В шептаниях метафизических
векторов Ницше,
В исканиях и расширениях мира без зла,
В гармонии и упоенном сознании тише,
В широких просторах
воды беспустынного сна.

Открытый вопрос
о чудной нескончаемой жизни,
Закрытый ответ
на немые насмешки без глаз.
Законченный выход навеки
из тел укоризны,
И жаркий огонь – это вечно –
и белый алмаз.
Ермачков Дмитрий

Путь стоящий

Достоевский созидал идею,
Зацепляя личностей протесты;
Лермонтов шагал по склонам, зрея,
Светских толп растаптывая перстни.

Тютчев пел гармонию природы,
Раскрывая дух тепла родного;
Евтушенко разрыхлил все броды,
Ухватившись за стрелу живого.

Заратустра говорил народу
О дороге к истине великой;
Нигилизмом был Базаров полон,
Но сломился Одинцовским ликом.

Танцевал в бою ефрейтор Святкин,
Закаляя под собой окопы;
Погибал Савельев Федор жалко,
Получив от брата пули скопом.

Башлачев, всем телом затухая,
Истекал светлейшею душою;
Янка, обывателям - плохая,
На земле шагала выше строя.

Егор Летов прорывал систему,
Создавая праздники сознанию:
Он решил житейскую делему
И навеял в бурях – обаянье...

Кто же я и чем досель пылаю:
Жив иль мертв, или одно и то же;
Плотью, знаю, я уж убываю,
Но мир сердца мой не уничтожен...
Ермачков Дмитрий

Рояль

Нежно греет вуаль пыли,
Ласкают нити паутины
Все чаще и чаще...
И теперь тебе привычно состояние покоя
Глухонемой жизни,
Лишенной звуков,
родных до боли,
Лишенной пальцев, детских и нелепых.
Но ты прощал мои ошибки,
Удар по клавишам аккордом
И тебя я, ненавидев,
Любила все же
тайно,
молча...

Я говорю тебе «спасибо»
За часы,
украденные из детства,
За мгновенья,
проведенные не во дворе,
А лишь у клавиш.

За знакомство с Бахом, Моцартом, Вивальди
Я говорю «спасибо».

Теперь спустя немало лет,
Несмотря на запах старой древесины,
На то,
что голос твой не тот как прежде
(звонкий, чистый и хрустальный)
Все так же строго,
грациозно
Стоишь в углу у входа на мансарду,
И словно в томном ожидании
Всегда готов пропеть
Очередной этюд моей души
...как будто на прощание.

Герасимова Юлия

Прогулка с осенью

Смеется
В красно-желтых красках.
Играет
С солнечным лучом,
Уже не тем как прежде,
А чуть холодным,
И с дождем.
Затем промчится
По проспекту,
Где тучи грозные
Плывут,
Где ветер молча, безмятежно,
Внутри мена нашел
Приют.

И так уйдет,
В себя вдыхая
Последний жизненный
Глоток.
Глоток, в котором чуть дрожала,
Срывая огненный
Листок.

Герасимова Юлия

* * *

Безвольность в слабостях просящего у Бога.
Я наблюдаю за растлением души.

Здесь нарушающий
на непристойность смотрит строго
И просит недозволенной любви.

И я пытаюсь выбраться из плена,
В котором уж давно забыта дверь.
И вместо крестика у каждого эмблема.
И мы друг другу тихо шепчем «Верь!».

А странность заключается в ошибке,
Которую давно не можем разгадать.
И красота души в мгновенном блике,
Который ближнему не может счастья дать.

Поэтому сегодня веры не осталось,
Все потому, что сила на нуле.
Но жажду я, чтоб всем казалось,
Что правды нет в моей тоске.

Опекунова Наталья

* * *

Во имя веры в лучший день,-
Прошу себя не впасть в отчаяние;
Не загонять тупик в туннель,
Чтоб не случилось покаяние.

Во имя веры в лучший день,
Прошу у солнца благодати,
Чтоб помогло откинуть тень,
А телу дать хоть каплю стати.

Прошу я руки не трястись,
А память подойти к истокам.
И в жизнь, прошу себя, влюбись!
Отдайся сладостным порокам!

Во имя веры в лучший день!
В себя настойчиво поверь.

Опекунова Наталья

Темная посланница

Отгорел пылающий закат.
Безмятежный город спит, оваян ночью.

Тишина ударила в неслышимый набат,
И открыли звезды заспанные очи.

И вот, в обманном сумерках,

в густеющей тиши
Раздался звук уверенного шага.
Так тот шагает, кто лишен души
И для кого стон горечи - отрада...

Разбужен город, но безмолвен он
И с трепетом следит за незнакомкой.
Она шагает, и кошмарный сон
Опутывает город паутиной тонкой.

В её глазах лишь леденящий мрак,
В душе её царит лишь адский холод.
Стальная воля собрана в тугой кулак,
Не сокрушит его и Тора звонкий молот.

Она пришла оттуда, где не знают счастья,
Где ненависть и подлость вершат суд.
Там души полны похотливой страсти,
Там люди, творя правду, лгут.

Оскал звериный служит там улыбкой,
А в спину нож - объятьем перед сном.
Там липкий страх сродни надежде зыбкой,
Сжимает все нутро он в стылый ком.

Там в брак «вступают» ненависть и хаос,
А их союзом тьма порождена.
Там в облаках и солнце не купалось,
А небеса целует бледная луна.

Тот мир для нас и чуждый, и далекий,
Но минет время - и он к нам снизойдет.
Такой безумно дикий и жестокий,
Что ад в молчанье робком к его ногам падет.
Фёдорова Регина

И нас здесь нет

Одни лишь тени от нас остались.
Весь этот мир как будто за стеной.
Не видят нас, не замечают,
Но мы-то есть, мы ждем его тепло.

Мы не кричим, мы ели шепчем,
Но не поэтому не слышат нас.
Мы небом дышим, нас звёзды лечат,
Мы любим тех, кто не знает о нас.

Мы убегаем от наших мыслей
И мчимся вдаль, чтобы забыть обо всём,

А по дороге делаем кучу ошибок,
Но нам больше не хочется слёз.

Мы получаем ответ на вопрос
И задаём ещё больше вопросов,
В нас жизнь кипит, и одно сердце на двоих
В такт ритму жизни бьётся.

(Верни мне силы,
верни надежду быть с тобой,
Не отпускай мою любовь,
Держи сильнее, держи крепче её,
И я дышу, я снова парю с тобой)

И наш сценарий написан вовсе не нами,
А теми, кто владеет нашими сердцами.
И пусть мы в нём с тобою главные герои,
Но поступаем так, как велено судьбою.

(Верни мне силы,
верни надежду быть с тобой,
Не отпускай мою любовь,
Держи сильнее, держи крепче её,
И я дышу, я снова парю с тобой)

Горбачева Виктория

История одного шедевра

Мы начинаем рубрику «История одного шедевра». Сегодня это – картина замечательного русского художника Ореста Кипренского «Девочка в маковом венке».

Орест Адамович Кипренский родился под Петербургом на мызе Нежино в 1782 году от связи зажиточного барина Алексея Дьяконова с крепостной крестьянкой Анной Гавриловой. Незаконнорожденным детям было принято давать вымышленные фамилии. По одной из версий отец назвал сына по имени Киприды – античной богини красоты и любви.

Барин позже отдал свою возлюбленную замуж за крепостного Адама Карловича Швальбе и выдал им и их детям «вольную». В 1788 году Орест был определен на долгие 17 лет в Петербургскую Академию художеств, которая воспитала блестящую плеяду отечественных мастеров, гордость русского искусства: зодчих В.И.Баженова, И.Е.Старова, ваятелей Ф.И.Шубина, М.И.Козловского, И.П.Мартоса, живописцев Ф.С.Рокотова, С.Ф.Щедрина, К.П.Брюллова, А.А.Иванова, И.Н.Крамского, И.К.Репина, В.И.Сурикова.

Орест Кипренский – удивительный человек, художник-загадка, гений, не понятый современниками. Многие его поступки были непостижимы для того времени. Друзья недоумевали: почему Орест никогда не женился? Путешествовал по Европе, жил ярко, редко появляясь в России. Но именно он смог понять русскую душу. И показать это в портретах своих современников.

Всемирно известен великолепный портрет А.С.Пушкина, написанный художником по заказу Дельвига в 1827 году. Это, пожалуй, лучшее изображение Пушкина художником романтической школы.

Творческая судьба самого художника превратилась в легенду, в миф. В легенду о прекрасной и великой любви. Не все могли понять его необъяснимой любви к маленькой простушке, своей модели к картине «Девочка в маковом венке». Вот эта история.

В мае 1816 года Орест отправился в долгожданное заграничное путешествие. Ему только что исполнилось 34 года. Он за свои заслуги удостоен академического звания. На него, незаконнорожденного сына крепостной крестьянки, обратила благосклонный взор сама императрица, назначившая ему пенсию для поездки в чужие края. В его честь поэты слагают оды...

Именно на долю Кипренского, жившего и творившего в одно время с великолепным Карлом Брюлловым, автором блистательной картины «Последний день Помпеи» и Александром Ивановым, написавшим эпохальное полотно «Явление Христа народу», выпало первому из отечественных живописцев добиться широкого признания в Италии, родине классической живописной школы. За блистательный талант портретиста величали «русским Ван-Дейком». Он был первым русским художником, избранным членом Флорентийской Академии художеств и удостоенным высокой чести – предложения сделать автопортрет для знаменитой галереи автопортретов в Уффици.

Италия изнемогала под властью австрийской короны. Орест сочувствовал свободолюбивым итальянцам. На живописца по доносу русского посла Италинского пала тень политической неблагонадежности. В эти дни, ведя довольно затворническую жизнь, Орест случайно нашел для своей работы маленькую натурщицу деся-

ти лет – белокурую девочку Мариуччу. Она стала моделью многих его картин. Особенно знаменитой стала картина «Девочка в маковом венке». Всей душой он привязался к ребенку, нанял ей воспитателя. Но мать ее оказалась женщиной подозрительного поведения. Картина была еще не закончена, когда шантажировавшая художника с целью получения большой суммы денег, мамаша девочки, собрав шайку собутыльников, увела дочь. Орест нашел затем ее в казарме с пьяными солдатами, рыдающей и молящей его забрать ее с собой. С детства лишенный родительской ласки, Орест испытывал величайшее блаженство от того, что рядом с ним было беззащитное существо, обязанное ему избавлением от нищеты. В письме приятелю он писал: «Ты не поверишь, как может иногда блаженствовать отец чужого дитяти!»

Но папские власти ни за что не позволили бы Кипренскому взять с собой в Россию чужую с юридической точки зрения девочку. Художник не видел другого способа обезопасить девочку от преступной маменьки, как поместить ее в воспитательный дом при каком-либо монастыре. Он написал прошение кардиналу с этой просьбой. Мариуччу спрятали в монастыре за счет казны, но сохранили в тайне ее местопребывание не только от падшей матери, но и от ее благодетеля.

Всю свою последующую жизнь, путешествуя по Европе, живя в разных странах, он не переставал искать ее. Много пришлось пережить художнику: и великую славу, европейское признание, любовь и дружбу русских поэтов и художников в Риме и Париже, и холод и отчуждение в России, где его считали политически неблагонадежным, не желающим возвращаться на Родину.

Через друзей он все же отыскал адрес пребывания Мариуччи в Риме. В 1829 году Орест встречается с уже взрослой девушкой 17-ти лет и предлагает ей стать его женой и тем самым избавить ее от возможности провести всю свою жизнь в монастыре.

Но из-за материальных трудностей ему приходится уехать в Неаполь для поправки своих дел. Долгие 7 лет Мариучча ждет своего благодетеля. Судьба, однако, не так

уж благосклонна к художнику. Кипренский возвращается в Рим, так и не скопив денег на свадьбу с Мариуччей. Современников удивляло и восхищало благородство знаменитого художника, который мог бы найти богатую наследницу среди своих многочисленных поклонниц, но весь жар своей души обративший много лет назад на несчастного ребенка. Спас девочку от верной гибели. Многие ли были способны оценить по достоинству такой акт беспримерной самоотверженности?

Кипренский принимает католичество, так как разница вероисповеданий служит препятствием для их обручения. И в 1836 году состоится их венчание. Ему – 54 года. Ей – 25 лет. Но счастье их оказалось скоротечно. Через 3 месяца великий художник умирает от воспаления легких. Вдове была назначена пенсия, и она была избавлена от бедности. Через 6 месяцев после его смерти рождается его дочь, которой дали имя Клотильда, но судьба ее нам неизвестна...

Такова история великой любви русского художника и его прекрасной музы – бедной итальянской девочки. История одного шедевра.

Грачева Лара

Team Building

На работу в «Мун-техмаркет» я попал абсолютно случайно. То есть это мне тогда так показалось, что случайно. Гуляя по торговому центру, в который я забежал в поиске укрытия от дождя, я увидел серебряный диск, на котором изумрудно-зелёным цветом было выведено «МТМ». Что уж тут поделаться, завораживает меня красота аббревиатур вкупе с не совсем уж безвкусным оформлением. Не сводя глаз с диска, я двинулся в его сторону, не обращая внимания на визги задетых мною дамочек и нагловатые комментарии их спутников.

Нет, положительно никогда со мной такого не было – как истукан я пялился на банальную вывеску, даже не интересуясь, чем же собственно под ней торгуют. Кажется, подобными механизмами как-то завлекают женщин, но я-то всегда считал себя натурой не слишком внушаемой, в меру скептической. Да и покупать мне совсем не хотелось, а хотелось почему-то бегать взглядом по изогнутой зелени букв, расположившихся на серебре.

– Извините, – я вздрогнул, отрываясь от созерцания, – я могу вам чем-то помочь?

Я быстро перевел взгляд в сторону подошедшей девушки-консультанта. Ох, лучше бы не переводил! Ибо вместо зелени букв я нарвался на зелень глаз, причем на такую вопиющую зелень, что пропал мгновенно и безвозвратно.

– Эм-м-м-м... – позорно блял я, шалея от пепельных волос, какой-то прямо аристократической тонкости лица и полуулыбки в духе Джоконды. Фигура наличествовала спортивная – без рубенсовщины, но выдающаяся.

Полуулыбка красавицы, как мне показалось, стала насмешливой. Я завертел головой, ища выход из этого униженного положения. И наткнулся взглядом на объявление прямо перед входом в этот самый «МТМ». «Срочно требуется менеджер по продажам» – сообщал листочек, которому я был сейчас очень благодарен.

– Насчет работы, – стыдясь самого себя, пробормотал я. Надо же, всегда презирал всякие менеджменты и маркетинги, а тут – на тебе!

– О, ну, если так, то пройдемте, – мне пока-

залось, что в зеленых глазах мелькнуло

удивление, но тут же погасло, сменившись расположением – главный на месте. Красавица провела меня между длинных рядов с микроволновками, утюгами и тому подобным. Значит, здесь ведется торговля бытовой техникой. Жаль, я бы предпочел книги. Девушка, кстати, представилась. – Ольга. – Элегантно и нордически.

В небольшой подсобной комнатке, переоборудованной под «кабинет», нас встретил Юрий Семёнович. Стоило мне только уловить его взгляд, как я тут же сделал вывод, что это Ольгин отец. Те же глаза, та же неуловимая мимическая игра лица. Первая же фраза подтвердила мои догадки.

– С добычей дочь моя идет! – радостно воскликнул он. Но тут же сощурился, оглядывая меня. – Впрочем, это не добыча, как я погляжу.

И засмеялся, подмигнув мне.

– Если вы захотели работать у нас, юноша, то, значит, хотите быть хищником! – откинувшись на стуле, весело пояснил он. – И я надеюсь, вы справитесь. Звать-то вас как?

– Волков. Владимир, – ответил я.

Интересный человек, косит под «своего парня», но явно тот еще хитрец. Впрочем, мне показалось, что хитростью и кривляниями он маскирует свой не слишком далекий ум.

– Ну, я же говорил, – усмехнулся Юрий Семёнович, – натурально зверюга! Хищник от менеджмента! Будем тебя оформлять!

– А куда поставить? – влезла Ольга.

Пару секунд Юрий Семёнович картинно изображал раздумье, вращая указательным пальцем, а потом решительно выдал: – А на телефоны и поставим!

– Но там же Артём, – в голосе Ольги просквозило удивление.

– Ну, а что Артём? – коварно ухмыляясь протянул он в ответ. – Артём твой, по-моему, не очень-то и справляется с планом...

Тут мне явно показалось, что кто-то заскрипел зубами. Глянув на девушку, я просто обжегся, встретив её взгляд. Одно мгновение, но какая ненависть! Эх, не успел устроиться, а уже вляпался в семейные интрижки. Эх, не стоило обольщаться надеждой на внимание такой красавицы! Теперь только проблем больше будет.

И вы знаете, дурные предчувствия, как всегда, оправдались. Артём оказался крайне неприятным детиной – коренастым, с туповатым, недобрым лицом и поистине феерическими ушами. В общем,

он был похож на рождественского эльфа, выгнанного с должности за дебош, отсидевшего за хулиганство и страдавшего алкоголизмом. Немудрено, что продажи у него были не ахти какие выдающиеся.

Когда Юрий Семёнович знакомил нас, Артём не протянул мне руки, да и я не озаботился этим, если честно. Да и после между нами рукопожатий не было. Но нашему начальнику, судя по всему, только того и надо было – разжечь здоровую конкуренцию.

Увы, но Ольга ненавидела меня с каждым днем все больше и больше. Сработал закон паршивой мелодрамы: она была влюблена в этого самого Артёмку. Об этом мне радостно сообщила Галочка, работавшая в отделе с утюгами и прочими тварями этого подвида и взвалившая на свои плечи (не очень хрупкие, врать не буду!) тяготы обучения меня премудростям менеджмента. Галина была доброй, но, как это водится, некрасивой: рябой, полноватой, с широкоскулым, вовсе не женственным лицом. Помимо этого она щедро делилась со мной местными байками и сплетнями, хихикая и прикрывая с наигранной стыдливостью рот.

Я оказался очень способным учеником. Мои успехи удивляли не только меня, но и моих коллег. Юрий Семёнович ходил довольный, ставил меня в пример.

Основными моими клиентами, или «добычей Волкова», как любил хищно выражаться Семёнович, были женщины средних лет. Причем, чем старше были их лета, тем более лёгкой добычей они почему-то становились. Я каким-то непостижимым даже для самого себя образом умел расположить их и ненавязчиво убедить в необходимости покупки здесь и сейчас. Я, очевидно, выигрывал у Артёма в обаянии и умении продавать. Артём злился, становясь еще более отталкивающим, пару раз даже срывался на посетителей. От этого результаты его работы «хромали» все больше и больше. Я же чувствовал, как возрастает ненависть Ольги ко мне, и, разумеется, все сильнее в неё влюблялся.

Так день за днём, неделя за неделей я приближался ко дню «Х», о котором, впрочем, не догадывался. Однажды, придя на работу в одну из пятниц, я сразу же столкнулся со Стёпой – худым и нескладным парнем, с которым

у меня были вполне приятельские отношения. По всей вероятности, нас сближало совместное курение.

Основной чертой Степана было его всегдашнее спокойствие, абсолютное настолько, что становилось иногда пугающим.

Но в этот раз Стёпа выглядел просто ошалевшим. Увидев это, я тоже немедленно ошалел. И к тому же начал заикаться.

– Н-н-н-ну? – вместо приветствия выдохнул я. – Ч-ч-ч-что т-т-т-там?

– Г-г-г-главный! – вытаращив глаза, завопил Стёпа и начал бегать вокруг меня, размахивая своими длинными руками. Потом на мгновение остановился и заявил:

– Семёныч хотел тебя видеть!

Трепеща, я направился в кабинетик начальника.

Юрий Семёнович сидел не на своем обычном месте за столом, а в уголке, стерев с лица всю хитрость и оставив на нем тупое раболепие, с которым, не мигая, взирал на Главного, то есть Юлиана Петровича Ругарина – отца, основателя и бессменного руководителя группы компаний «Христофор», которой и принадлежала наша электронно-кухонная богадельня.

О предприимчивости и деловой хватке Юлиана Петровича я почти каждый день слышал близкие к фантастическим истории. Говорили, что секрет его успеха таился в особой сплочённости коллектива, которая прививалась по его методике, а в некоторых случаях и при его непосредственном участии. И, по-моему, этот случай наступил.

– Вот он! – торжественно ткнул в меня пальцем Юрий Семёнович.

Ругарин оторвался от перелистывания каких-то бумаг и с интересом посмотрел на меня. Я, в свою очередь, разглядывал «великого и ужасного». Первоначально он меня разочаровал – эдакая смесь ботаника-шахматиста с работником дома культуры в Воронежской области – ни лоска, ни подтянутой деловитости. Заметное пузико, залысины и дряблое лицо, вкуче с явно дорогушим, но нисколько не шедшим ему костюмом – все это создавало скорее комическое впечатление. Держался он с какой-то ленцой и производил впечатление человека «расхлябанного», как говорят в народе.

Поглядев на меня секунду-другую, «Светоносный» Юлиан неловко, с показной суетливостью, выбежал из-за стола и протянул мне руку.

– Здравствуйте! – только и успел сказать я, по-

сле чего заговорил сам Большой Человек.

– Владимир, – широко заулыбался он, не выпуская моей ладони, – Волков! Да-да, я всё знаю. Перспективный! – Он, наконец, отпустил мою ладонь и скрестил руки на груди. – Вообще, вы все перспективный коллектив, – продолжал он, глядя уже не на меня, а куда-то вдаль. Я заметил, что Юрий Семенович зарделся от такой похвалы. А Юлиан Петрович продолжал, не обращая ни на что внимания, будто бы полностью погрузившись в поток своих мыслей. – Вы грамотно выстроили корпоративные взаимоотношения, провели индивидуальную работу, нашли подход к каждому, создали благотворную почву для дальнейшего развития. Вы отлично потрудились, Юрий Семёнович, и я вам благодарен. Но я прибыл к вам, чтобы вывести уровень вашей корпоративной культуры на новый, качественно новый уровень.

Семёнович кивал при этом головой, как китайский болван. А его кумир продолжал нести чепуху с вдохновением поэта.

– «МТМ» был пробным камнем, расширением сферы нашей Группы, – щелчок пальцами, пауза, – и этот камень, как мне видится, летит точно в цель!

Мне почему-то стало смешно. Этот уже немолодой человек говорил пошловатые и громкие слова, в которые, по-моему, никто, кроме его самого, не верил. Впрочем, Семёнович был уже в абсолютном экстазе. Я же, тем не менее, не сумел скрыть своих негативных эмоций.

Юлиан Петрович пристально на меня посмотрел.

– И вы, молодой человек, – голос Ругарина моментально изменился, стал раздражённо-надтреснутым, – сегодня это поймёте!

Вот тут я струхнул. Неприятностей мне не хотелось. Юрий Семёнович взвился со своего стульчика, пытаясь выгородить то ли меня, то ли себя.

– Юлиан Петрович, он же еще не был, – затараторил он, – он ещё не...

– Знаю, – коротко осадил его Ругарин. – Я сам проведу с ним первый корпоративный тренинг! Никому не доверю такого способного юношу!

И он попытался изобразить для меня одобрительную улыбку. Но я занервничал. Я понял, что фатально ошибся в Ругарине: не раз-

глядел за его комичной маской внимательного и жесткого бизнесмена, не понял, что такой ленивый вид может иметь только тот, кто по-настоящему собран, сжат как пружина. И мне почему-то показалось, что если эта пружина распрямится, она здорово меня заденет.

– Так что готовьтесь, Волков, за вами заедут сегодня вечером, – спокойно продолжал Юлиан Петрович, – время отдохнуть после работы у вас будет. Вы же живете по месту прописки, не обманываете нас?

Я не рискнул спросить, что это за тренинги такие, проводимые на ночь глядя и в отдаленном месте, до которого меня должны довезти, и просто молча кивнул головой.

– Вот и отлично! – Ругарин махнул рукой. – Тогда возвращайтесь к работе. Время, как известно, деньги.

Через пару часов, когда я отошел перекурить, меня поймал Юрий Семёнович и, крепко сжав мой локоть, наклонился ко мне.

– Около девяти. Жди звонка, – тихо произнес он, – и постарайся выспаться.

Весь оставшийся рабочий день я жутко волновался. Артём ходил еще мрачнее, чем обычно. Ольга пару раз «одарила» меня такими взглядами, что все ее прежние «искры гнева» казались полными обожания.

Придя домой, я полностью посвятил себя подготовке к предстоявшему мероприятию.

Полазав в Интернете, я освежил память, и теперь мог с полной уверенностью рассказать двадцать семь пошлых анекдотов про поручика Ржевского, спеть под гитару двенадцать матерных песен и даже исполнить танец, который был назван сетевыми советчиками «чукотским народным». Не знаю, насколько это было правдой, но танец этот включал в себя несколько нехитрых движений в подражание оленю, судя по всему, очень больному, и элемент стриптиза. Танец этот был призван очаровать женский коллектив и внушить уважение мужскому полу. Затем, разумно посчитав, что сделал всё возможное, я стал нервничать. Жаль, но я не смог воспользоваться советом Семеновича и поспать, потому как никогда не сплю днем, разве что во время тяжелой болезни.

Ровно в девять запищал домофон. Я прогалопировал к двери и схватил трубку.

– Спускайся, – прохрипело оттуда, – машина ждет!

– Шас-щас, – заволновался я и ринулся одевать-

ся.

Погода, благо, стояла тёплая, а прогнозы не обещали ночных похолоданий.

Выбежав из подъезда, я был удивлен, увидев самого Ругарина, терпеливо и смиренно ожидавшего меня, сидя на скамейке под жуткими взглядами двух пар подслеповатых глаз. Глаза эти принадлежали двум пенсионеркам – Анжелике Владленовне и Серафиме Октябрьновне, исполнявшим роль мрачных стражей подъездных врат. Я называл их про себя «мои будничные церберы».

Увидев меня, Юлиан Петрович вскочил и широко улыбнулся. На этот раз на нём был костюм поскромнее – серый, неброский, но шедший ему гораздо больше.

– Ай-ай-ай, копаешься, – шутливо пожурил он меня и, подскочив к машине, распахнул передо мной дверь. – Садись, пожалуйста!

Я был настолько удивлён таким его поведением, что молча сел в превосходный автомобиль и позволил Ругарину самому захлопнуть дверцу. Затем он вразвалочку обежал машину и плюхнулся рядом со мной на заднее сидение, обитое настолько дорогой кожей, что мой зад неизбежно должен был отсохнуть от соприкосновения с такой роскошью. Я заёрзал. Автомобиль тронулся, и тут я вспомнил, что забыл поздороваться с пенсионерками. Страшно было подумать, кем я теперь стал в глазах подъездной общественности после таких сцен и неучтивости. И без того все мои девушки были с их подачи «проститутками», а все мои друзья, кроме одного, «наркоманами». Этим единственным был Гоша Ованесян. Он-то, разумеется, прозывался «чуркой понаехавшей».

За рулём сидел уже немолодой человек с очень спокойным лицом и начинающими сесть волосами.

– Не волнуйся, – покровительственно похлопал меня по плечу Ругарин, заметив, очевидно, моё состояние, – я же говорил, что человек ты перспективный, так что трястись тебе ни к чему. Никто тебя не съест!

Он хрипло рассмеялся и достал вместительную, очень красивую фляжку. От одного её вида у меня захватило дух. Просто невозможно описать такое произведение искусства словами, и мой бедный язык не подберёт достойных эпитетов. Это была работа настоящей

го мастера! Казалось, чеканные травы колышутся под порывами ветра, а грациозные существа, похожие на привычных животных, но несущие в своем облике что-то неуловимо человеческое, то ли танцуют, то ли сражаются под серебряной стилизованной луной, завораживающей куда сильнее, чем настоящая.

– Луна – это наглый вор, – произнес Ругарин, заметив мой взгляд, – и свой бледный огонь она крадет у солнца! – Он приложился к горлышку и после нескольких глотков продолжил, – Уильям Шекспир, «Тимон Афинский». Гениальная вещь, да!

Мне стало интересно, что за выпивка должна быть в такой ёмкости. Снедаемый любопытством, я опять начал ёрзать.

– На, глотни, – Ругарин будто бы прочитал мои мысли, – а то усталый ты какой-то.

Я с благоговением принял из его рук флягу и сделал осторожный глоток. Как-то не впечатлило. Что-то с травами и совсем небольшим градусом. Немного мятно и чуть-чуть вяжет. В общем, удивило, но не более. Ну, раз пить можно, значит и нужно!

– Полезная штука, – пояснил Ругарин, – помогает расслабляться, но и собраться не мешает, когда необходимо. Короче, нужная вещь в нашем деле! Кстати, если тренинг не понравится, я тебе эту фляжку подарю!

Я кивнул головой, не особо поверив ему, и стал прислушиваться к реакции своего организма.

То ли градус был выше, чем мне показалось вначале, то ли рецептура действительно была чудодейственной, но приятное и ненавязчивое расслабление уже наступило.

– Ты, вообще, какой религии придерживаешься? – вдруг спросил Юлиан Петрович. – Если не секрет, конечно...

Удивительное все-таки оказалось поило! Сейчас я видел Ругарина абсолютно иными глазами – зоркими, непредвзятыми, отсекающими всякие уловки. И ещё раз убедился, что нельзя верить первому о нем впечатлению. Я разглядел властный блеск в его глазах, твёрдость воли в фигуре, угрозу в положении рук. Но одновременно я и в себе находил силу, скрытую в обычное время. Да сколько же градусов там было?!

– Буддист, – ляпнул я, – дзен притом.

– Ух, ты! – изобразил заинтересованность Ругарин. – А какой школы придерживаешься? Риндзай, Сото или, может, Обаку?

– Нет, – решил я с юмором выйти из положения, – кухонный буддизм средней полосы.

– Ну, значит, Риндзай-сю, – задумчиво и, кажется, с полной серьёзностью подытожил Юлиан Петрович, – впрочем, Россия куда ближе к буддизму, чем кажется. Всё зависит от того, с какой точки зрения смотреть на загадку души, правда?

– Ни с какой не надо смотреть! – нагло сказал я, не желая трепаться об этом. – Это не загадка, не проблема. И уж, тем более, не график в системе координат!

Я сам испугался такого резкого ответа, а когда даже невозмутимый водитель хмыкнул и легонько качнул головой, не меняя, впрочем, выражения лица, то совсем оробел. Но Ругарин несколько не обиделся, а совсем наоборот, радостно изумился.

– Ого, – всплеснул он руками, – вот так штука! А маленький Тойо, оказывается, даже перспективнее, чем я полагал!

Юлиан Петрович рассмеялся, но мне показалось, что он стал посматривать на меня задумчивее и с уважением.

– Я вот католик, – вдруг сказал он. – В нашей стране это, конечно, не всегда идет на пользу, только я верую не для пользы, а по зову сердца и обстоятельствам.

– Каким обстоятельствам?

– Таким, что подвигли меня бизнес строить! – большой человек сделал мечтательное лицо. – Никогда не угадаешь, чем я раньше занимался.

– Чем же? – подыграл я ему.

– Представь себе, был лесником! Искал смысл в тишине, покое и единении с природой... Думаю, что нашел. Но покровителя уж точно нашел, в честь которого нашу Группу и назвал. Что поделать, если в родном православии такой фигуры нет! Вот и пришлось стать католиком. Все бы хорошо, но долго переучивался креститься!

– А я думал, что вы в честь Колумба прозвались, – удивился я. – Мол, отважный первооткрыватель и всё такое.

– Ох, насмешил! Колумб! – улыбнулся Ругарин, но вдруг резко посерьёзней и отрезал: – Колумб ни при чем!

И замолчал, глядя в окно. Поглядел и я. Странно, мы явно выезжали из города. Дома вокруг были приличные, но частные.

– А куда мы вообще едем, Юлиан Петрович? – спросил я, продолжая наглеть и дальше. – А то как-то боязно ехать незнамо куда...

– Не бойся, ничего страшного не будет, – Ругарин ободряюще улыбнулся, – все свои. Да и надо же тебе приобщаться к корпоративной культуре, если хочешь и дальше прогрессировать в нашей компании.

Я вдруг понял, что нестерпимо хочу спать: меня развезло от мягких сидений, разговоров и чудодейственного питья.

– А что если не хочу? – попытался возражать я, все глубже проваливаясь в мягкое сонное оцепенение.

Но уже почти поддавшись сну, я бросил взгляд в зеркало заднего вида и вдруг заметил, что водитель хитро мне подмигнул. А потом я услышал мягкий, вкрадчивый голос:

– А куда ж ты денешься?

Проснулся я от толчка. Машина остановилась. Открыв глаза, я стал вспоминать, а вспомнив произошедшее, хотел было смутиться, но почему-то не смог.

– Приехали, – Ругарин, кажется, не обиделся на меня, да и удивлённым не выглядел, – как раз вовремя. Молодец, Лёня!

Польщенный водитель выскочил из машины и подобострастно изогнувшись, открыл дверь Юлиану Петровичу. Я вышел сам. И обомлел. Прямо над нами висела огромная Луна! Никогда я не видел, чтобы луна была такой огромной и почти интимно близкой!

Казалось, протяни руку, и сможешь коснуться шероховатостей кратерных оспин, намочить пальцы в ее морях.

– Красота, – протянул Ругарин. – Самое время и самое место!

Я, наконец, оторвался от луны и огляделся по сторонам, благо света от было достаточно, и ночь вовсе не была непроглядной. Мы находились на краю большой поляны, окруженной лесом. Ни домов, ни дороги поблизости я не разглядел, только узенькую речку, вяло тащившую чёрную воду, да стройные и мрачные ряды сосен.

Но мы тут были не одни. В нескольких десятках метров от нас, посреди поляны, стояли люди. Юлиан Петрович обнял меня за плечи и повел к ним. Моя голова слегка кружилась, а ноги заплетались в высокой и немного влажной траве. Я несколько испугался – ночь, незнакомые люди, глухая местность. Непонятно, что меня ждало в

ближайшее время, к чему меня так настойчиво вел хитрец Ругарин. Но напряжение отхлынуло, когда люди оказались знакомыми. Галина, улыбнувшаяся некрасивой, но ласковой улыбкой, Степан, как обычно спокойный, интеллигентный Гарик Абрамян, молчаливая Лена Мирина и еще несколько человек, работавших вместе со мной. Всех я знал и со всеми у меня были отношения если не дружеские, то вполне терпимые. Ни Артёма, ни Ольги, ни Юрия Семёновича я не увидел.

– Заждались? – обратился Ругарин к присутствующим, крепко сжав мое плечо. – Сейчас начнём. Сейчас!

Таким я его еще не видел. Его голос приобрел завораживающую мощь, пальцы буквально впились в меня, лицо приобрело фанатичную отрешённость средневекового монаха, взгляд устремился в немыслимое.

– Сейчас! – разом выдохнули остальные.

Я заметил, что мы с Юлианом Петровичем стояли в круге выжженной травы диаметром в пару метров, а остальные покинули его. Ругарин достал из кармана дорогой телефон, положил его в центре круга, прямо передо мной, и коснулся экрана. Вспыхнула заставка – серебряный диск, пересеченный зеленью букв, сплетающихся в аббревиатуру «МТМ».

– Приступай, – Ругарин выпрямился и сделал шаг назад.

– Издеваетесь? – ядовито осведомился я. – Что мне делать-то? К чему приступать?

– Ты знаешь, – ответил он и, сделав еще один шаг, покинул круг.

– Чего я знаю-то? Откуда? – я хотел выйти из круга, плюнуть на эту работу и на этих психопатов. Но не вышел, потому что вспомнил то ощущение, которое испытал при первой встрече с этим символом. Я глубоко вдохнул свежий ночной воздух и поднял голову.казалось, огромная луна висит прямо надо мной. Я снова опустил взгляд на экран телефона. И, наконец, увидел. Увидел тонкую нить, соединяющую небесное светило с его изображением. И тут пришло понимание. Я отпустил свое тело, отдал его луне, шелесту трав, журчанию реки, ослабив его связь с тем, что называлось моей личностью. И тело сделало остальное. Прыжок, кувырок в воздухе, на который в обычном состоянии я был бы неспособен и лёгкая дрожь, когда меня прошила серебряная нить.

Когда я приземлился, телефон был за моей спиной. Экран погас. Я чувствовал странный привкус во рту, странное ощущение в ногах. В ногах? Нет, мои руки и ноги остались с той стороны. Здесь у меня были лапы – мощные, длинные, быстрые. Моё лицо, близорукость, мелкие болячки и привычки – всё осталось по ту сторону. А на этой стороне я был волком – хищным, вольным, зубастым. Ощущение было странным, но приятным. Будто бы сжатая пружина внутри меня вдруг распрямилась, наполнив меня силой, освободив от глупых терзаний, указав настоящий путь. Я огляделся. Вокруг меня были другие волки. И волчицы. Вот Абрамян, шерсть у него темнее, чем у остальных. Вот Галина, некрасива, но виляет хвостом. А вот и вожак. Надо сказать, Ругарин впечатлял! По сравнению с ним все остальные казались щенками. Его грузность переплавилась в мощь, от залысин не осталось и следа, а уж на пасть без содроганий смотреть было попросту невозможно.

– Ну вот, а ты говорил... – со смехом произнес он. Точнее не произнёс, да и смехом такое выражение эмоций нельзя было назвать, но по-другому объяснить не получалось. Таких слов нет в человеческом языке.

Тут я наострил уши, потому как среди обычных шумов мне удалось уловить звук совсем иного толка. Похоже, что кого-то звали. Неужели...

– Да, тебя, – сказал Вожак. – Остальная стая ждет нас. Хочешь к нам?

– Хочу, – ответил я. Я чувствовал, что окружавшие меня волки настроены дружелюбно, но в свою стаю меня пока не приняли. Но я был готов на все, что угодно, чтобы стать с ними единым целым, бежать за могучим и мудрым вожаком, за серебристой волчьей мечтой. Поэтому я не мог ответить иначе.

– Тогда бежим!

И мы рванули на зов, наслаждаясь бегом, ощущением травы под лапами, игрой лунного света на шерсти, красотой и силой наших тел.

Мы переплыли речку и побежали через лес. Я быстро привык к новому телу, труднее

было с глазами. Непривычно было замечать столько новых, необычных для человека деталей. Больше всего меня удивило какое-то странное движение внутри деревьев. На секунду остановившись, я пригляделся к сосне и понял, что деревья живые. И жизни в них куда больше, чем кажется людям, да к тому же они вполне себе разумны, только по-своему.

– Кстати, – бросил на бегу Ругарин, – на самом деле деревья ходят. Только медленно.

– А камни? – спросил я.

– Камни тоже умеют, но не хотят.

Остальной путь я думал о камнях, деревьях, реке и совсем немного... о продаже мобильных телефонов. «Каждый видит, слышит и чувствует только часть истинной природы, – рассуждал я. – Человек видит цвета, которых не видит волк, волку доступно то, о чём человек и не догадывается, у деревьев, наверное, тоже свое восприятие. Может, и нет никакой истинности на свете, а есть лишь многогранность ложностей?»

Так я и мчался, весь в метафизических терзаниях и шерсти. А потом стая выбежала из леса и остановилась. Я огляделся. Мы находились на опушке, вдалеке подмигивали огоньками окна одноэтажных домов, но мне было не до них. Я разглядывал звавших нас волков.

– Вот как закончим с тренингом, обязательно сожрем пару селянок! – заявил с серьезным видом Ругарин, но не выдержал и захихикал.

Кстати, не дай вам бог когда-нибудь увидеть хихикающего вервольфа!

Но тогда я не обратил внимания на это, потому что узнал пепельный окрас. Ольга! Она нежно прижималась к Артёму – его несложно было узнать по огромным ушам, увидев которые, захихикал и я. Впрочем, смешно у него выглядели только уши. В остальном он был довольно-таки устрашающим, с крепкими кривыми лапами и мощной челюстью. И глядел на меня как полагается – волком. Юрий Семенович лежал чуть в стороне, изображая нейтралитет. Выглядел он матёрым, если не сравнивать его с Юлианом Петровичем.

Артём сделал несколько шагов в нашу сторону, не отводя от меня взгляда. Ругарин повернулся ко мне.

– Ну, пора, – будничным тономскомандовал он. – Закончи с этим, да и пойдём!

Повинуясь властному тону вожака, я двинулся навстречу Артёму, до конца еще не осознав того, что мне предстоит.

Зарывав, Артём рванулся ко мне. Я отпрыгнул в сторону, отметив про себя, что соперник мой хоть и силен, но тяжеловат.

– Убей его! – расслышал я вопль Ольги. – Убей его, Тёма!

Снова бросок! На этот раз челюсти щелкну-

ли в опасной близости. Артём обрушил на меня целый шквал яростных атак, но я был начеку. Волка кормят ноги, а они, без сомнений, у меня были быстрее. Мой соперник был слишком зол, чтобы хитрить и не выкладываться полностью. Но уверенности в победе у меня пока не было: уж очень Тёма был крепок и отважен! Такой не сдастся, будет терпеть. А выносливости и терпеливости ему не занимать, судя по всему, да ещё Ольга эта повизгивает... Эдак он меня умоляет!

Выбрав подходящий момент, я изобразил контратаку, и был очень удивлен, как быстро перестроился Артём. Если бы я действительно атаковал, то нарвался бы на ближний бой лицом... пардон, мордой к морде, что было бы для меня проигрышным вариантом. Поняв, что я опять ускользнул, Артём издал жуткий звук, в котором смешивались вой, рычание и человеческий крик, и снова ринулся в бой. Вот тут мне пришлось по-настоящему тяжело. Оказывается, он мог быть и быстрее, почти таким же быстрым как я. Почти. На мгновение его глаза оказались так близко от моих, что я смог разглядеть в них кое-что. Это кое-что тщательно скрывалось за яростью и жаждой крови, но я заметил. Это кое-что называлось страхом. Я увидел страх. И Артем это заметил. В этот момент бой закончился. Остальное оказалось делом времени. Грязноватым корпоративным дельцем.

...Машина на полной скорости неслась по ночной дороге. Лёня наплевал на все правила и наслаждался скоростью не хуже, чем я наслаждался отдыхом на заднем сидении.

Ругарин сидел рядом с водителем, но, то и дело оборачивался, улыбаясь мне.

– Ну, как, Володь – с легкой насмешкой спросил он, когда мы уже подъезжали к городу, – отдавать тебе фляжку?

Я не ответил, а только лишь усмехнулся и поцеловал спящую на моем плече Ольгу.

Кирилл Ладнюк

Не оглядываясь

– Не оглядываясь! – Карола шмыгнула покрасневшим от холода носом, закуталась в палантин и решительно зашагала по заснеженной аллее. – Идём, идём!

Да было бы на что оборачиваться. Я и без этого могу рассказать, что там. Даже в красках – прав-

да, палитра будет до скупости сдержанной. Не май месяц.

Позади нас рядами высятся тополя. Их ослепительно чёрные, дрожащие, живые прожилки-ветви пронизывают белёсое небо. С дерева постарше со сварливым галдежом снялась стая воронов. Они сделают пару кругов наперегонки, огибая купол старой капеллы, и вернуться на своё место. Часть рассядется по надгробиям, стремясь занять те, что повыше.

А ещё позади нас идёт высокий мужчина в коротком чёрном пальто – бесшумно и плавно, словно он лис или английский камердинер. Вот он останавливается, вскидывает к глазам левое запястье, убеждается, что не опаздывает, и решает нас догнать.

Это прочлось по лицу Каролы. Если бы вы знали её с первого класса, как я, – вы бы согласились, что это легко. Как будто на затылке, прямо под короткими кудрями, у неё камера, а вместо лица – монитор. А ещё она побледнела.

Я подавила вздох.

– Ты всё ещё его боишься?

– Ты просто не видела. Не видела, и всё. И не спорь.

– Не спорю. Ну и?

– Ну и... мы идём по старому кладбищу. Впрочем... неважно. Доброе утро, пан Даньковский! – Карола поспешно замазала реплику приветливым и немного виноватым оскалом.

– И вам привет, девушки, – он ничем не выказал, что всё слышал. Но, поверьте, слышал. – Как поживаете?

– Идём по старому кладбищу в школу, – похлопала ресничками Карола, продолжая скалиться.

– О, – его изогнутые брови насмешливо взметнулись вверх, – нам по пути, это не может не радовать.

– И параллельно думаем, действительно ли мы вас видим, или это нам вдруг почудилось, – ввернула я, отменяя ненужные мысли. – Где вы пропадали весь этот месяц?

– Ну-у... Какое-то время искал местечковый аналог Клуба 27 для преподав математики. Потом понял, что выдающаяся честь стать его основателем целиком и полностью принадлежит мне. Но состоять в клубе из себя самого – довольно скорбное занятие, скажу я вам. Школьников мучить куда как интереснее.

Как Лютик?

– Он не особо разговорчив, но, наверное, прекрасно. Ест цветы, ходит по клавиатуре и читает Сапковского.

– Вот как! Ну, простите уж меня за него. Оправдаться могу только тем, что до переезда он и не такое творил. Сейчас расскажу...

Пан Даньковский лукаво улыбался и говорил, говорил. У него был довольно высокий, но приятный тенор с низкими обертонами. Наверное, его любили в том числе и за голос, подумала я.

Карола старательно притворялась отсутствующей, но то и дело ловила на себе его вежливый взгляд.

А я не могла успокоиться. Эта деталь, замеченная почти что случайно.

Да, я действительно по нему соскучилась, но...

Его извечная и порядком потёртая папка из чёрного кожзама. Я не могла отвести от неё взгляд.

Он заметил.

– Мне сказали, так будет более-менее прилично, – пояснил он, мгновенно сменив тему. – Но от прочей брутальщины, которую мне насоветовали, решил отказаться.

– А можно совсем нескромный вопрос?

– Давайте.

– Как?

Пан Даньковский пожал плечами и остановился у школьных ворот.

– Это не то чтобы нескромно. Просто долго, – медленно и раздумчиво сказал он. – И потом, меня сегодня об этом наверняка спросят и не раз. А если и не спросят... Давайте после занятий это обсудим?

– А...

– Алгебру сегодня веду я.

– И ещё...

Он снова взглянул на часы.

– Ах, да. Йоля, пан Грегорович очень просил вас подойти к учительской после третьего урока. – На прощание он тепло сощурил глаза – чистые, жёлто-зелёные, как у лиса. – Простите, мне ещё надо подготовиться. Приятного дня.

Он стремительно ускользнул ко входу.

– И чему тут удивляться? – спросила я себя.

Вопрос слепо побродил по синапсам головного мозга, не обнаружил ответа и утас.

Стало быть, и в самом деле нечему.

Карола, бормоча, копалась в рюкзаке.

– Ну как? Удалось заснять? – кажется, я знаю, что она пыталась проделать.

Она извлекла наконец свою зеркалку, протёрла запотевший дисплей, и молча показала отснятое.

– А те, что раньше?

Спросила – и пожалела.

Заметив, что показывает снимки с другой датой, она суетливо выключила аппарат и упрятала его обратно. Посмотрела на меня – снисходительно и жалостливо – и медленно покачала головой:

– Нельзя. Ты просто не видела.

Вот уже целый месяц, целый чёртов месяц она только этим всё и объясняет.

Иногда происходящее заботливо, как бухгалтер в захудалой конторе, снимает слой пыли с потёртого словесного штампа, дышит на него и ставит пробный оттиск. И он по-новому поражает своей безжалостной точностью.

Как на иголках.

Вот он, звёздный час этой фразы. Всё невыносимо.

Утренняя сонливость одноклассников. Они ещё не знают.

Нудный голос пани Фрыдзи. Она похожа на престарелую овцу, да и мыслит не качественнее, но пытается учить нас литературе. Нашли тоже, кем Грега заменить.

Вот она поправила свои редущие кудряшки, и снова покосилась на нашу парту.

Да, я злобная заносчивая школьница, но вы не знали Грега.

Сосед по парте, наконец. На нервной почве весь стул уже изъёрзал, а он скрипит, как ковбойское седло.

– Нет, ну подожди... – Ярош беспокойно поёрзал на стуле. – Вы точно его видели? Вот именно его? Нашего Берти?

– Со стаей ворон перепутали, – проворчала я.

– Ну мало ли, двойник, может.

– Чего мелочиться-то? Зомби. В гробу спокойно не спалось, вот и выбрался с народом пообщаться. Про кота поспрашивать, про клуб двадцати семи пошутить...

– А, да. В его духе, – воспрянул Ярош, и в знак ликования скрипнул стулом.

Измученная вконец Фрыдзя скривилась:

– Может, вы за дверью обсудите свои дела? Или нам расскажете? Ну давайте, вы всё равно

не особо стесняетесь...

– Знаете, пани Фридерика, – я решительно смахнула вещи в сумку, – нам даже тему урока будет интереснее обсуждать за дверью, нежели с вами.

– Ой ли, Йолечка? Не много ли на себя берёте, звезда наша?

Остановившись у двери, я зло развела руками.

– Нет, пани Фридерика, не много. Своя ноша не тянет, – и выскочила вон. Ярош выскользнул следом.

Как на иголках. В коридоре гудят галогенные лампы. В голове гудят мысли. Мысли и образы. Те, кто с угасшими не похожи, выпили жизнь до дна. Зимнее небо как белая кожа – кровь у него черна...

– Неплохой стих.

– Эээ...

– Ну да. Вслух. Бывает иногда, – примирительно заметил Ярош. – Может, не стоило так с бабкой? Она нормальная. Ну, туповата чуток...

– Да пошла она, холера старая! – вспылила я. – Что, забыл, как она лишнего тебе наисправляла в диктанте? Это что, учитель? Что она хорошего сделала в своей жизни? Отбила куче людей желание читать, а напоследок убила литклуб.

– Да ладно тебе. Я никогда вон чтением не парился. А литклуб, он без Грега всё равно бы загнулся. Ну не ляпни только, что она и Грега со свету сжила, ага.

– Вот у него и спросишь, кто и что с ним сделал.

– Подожди... Так, ничего не говори! – Ярош протестующе замахал длинными руками. – Я сам. Я сам всё скажу. Хотя нет, не скажу, – Он уныло махнул рукой. – Чёрт разберёт этих ребят.

И правда – кто их разберёт...

Сидя на истории, я вдруг вспомнила, чего мог хотеть от меня Грег. Я задолжала ему рассказ.

Ещё месяц назад – на последнем собрании, когда мы тянули из его шляпы бумажки с темами – его чем-то не устроила доставшаяся мне записка с криво нацарапанным «Дедушка, я больше не хочу быть спасителем Галактики». Он поменял заголовок на «Без оглядки».

Грег – царь и бог, и я легко приняла его странную просьбу. Но рассказ с самого начала шёл туго. Да и случившееся потом мало располагало к творчеству.

Они оба невероятные – и Даньковский, и Грегорович.

Даньковский, по странной вычуде родителей зовущийся Бертрамом, умеет запросто объяснять

непонятное.

А Стефан Грегорович умеет ощущать и описывать неуловимое.

У Грега звучные шаги и литой, металлический голос с варшавским акцентом.

Берти ходит плавно и говорит мягко, словно он и в самом деле англичанин.

Даньковскому двадцать семь.

Грегоровичу тридцать три.

Сначала нас грызла пустота, и мы плакали – все, почти без исключений: и те, кто отхватывал от Грега нелестностей за унылые сочинения, и те, кому даже Берти не мог объяснить параметрические уравнения, и те, кто нормально учился у них обоих. Оцепенение пришло уже потом – плотное, как промёрзшая зимняя земля, бесцветное, как ноябрьское небо.

С тех самых пор Ярош болтает без удержу, а Карола говорит своё коронное «Ты не видела». Я до сих пор не знаю даже, чей труп ей так не посчастливилось увидеть.

И я могла бы парировать «А ты не слышала!», но отмалчивалась и кормила Бертрамова кота, слушая тишину за стеной.

Мы с Даньковским были соседи. Моя комната граничила с его кухней: целых два года по утрам было слышно, как он звенит кофеваркой-титаном и что-то напевает себе под нос.

И вот это прекратилось.

Из-за тишины я стала просыпаться перед рассветом. Долго-долго сидела перед выключенным монитором и пялилась на рисунок над ним.

На нём был Тёмный Город. Он яростно рвался в белое небо чёрными рублеными штрихами, в которых угадывались мосты, колоннады, купола и шпили.

А потом я смотрела в окно. И там, далеко за облетевшими деревьями, был виден купол капеллы, вокруг которого гонялись друг за дружкой вороны. Их карканье доносилось как через вату. И ничего больше не было, кроме этого самого карканья и звенящей тишины за стеной.

Немудрено, что Тёмный Город казался живее.

Мы ждали похорон, но их почему-то не последовало. Более того – кто-то противился са-

мому признанию того, что они мертвы.

В вестибюле установили их портреты с траурными лентами. Они были призваны напоминать, какие они были молодые и аккуратно причёсанные, какие остекленевшие и редкостно глупые у них были глаза в момент съёмки.

Эти портреты сами были как смерть – смерть того живого, что осталось о них в нашей памяти. Смерть медленная. Кошмарнее пытки и придумать было нельзя.

Мы собирались завалить их цветами, чтобы даже не видеть, но не успели.

Они исчезли на следующий же день.

На их месте красовались совершенно иные снимки: с одного улыбался Берти в ободке с кошачьими ушами, с другого смотрел поэтичный Грег, сжимая в длинных узловатых пальцах микрофон.

Руководство школы рвало, метало и говорило что-то про позор и неуважение к покойникам. Мы считали позором предыдущие фото, и гадали, откуда взялись нынешние. В интернете точно не было – перерыли всё.

И на ноутбуке у Берти не было. Я проверила. Пароль было не очень сложно подобрать.

А потом Грега увидели в библиотеке, а Берти – на концерте местной группы.

И ещё их видели в коридорах школы.

И на улицах.

И кто-то даже здоровался.

Они словно приучали нас к своему присутствию в этом мире, постепенно сокращая дистанцию.

А потом мы почти перестали этому удивляться.

И оставалось лишь два вопроса: как? и когда?

И вот второй вопрос наконец получил свой ответ.

Грег ожидал напротив дверей учительской, облокотившись на подоконник. Улыбнулся, увидев нас:

– А вот и вы. Доброе утро, ребят, рад вас видеть.

– Скорее, а вот и вы! – Ярош замялся. – Идиотом себя чувствую, честно. Я точно не псих?

– У пана Даньковского подготовлено хорошее, доходчивое объяснение, – успокоил его пан Стефан. – Он вообще... хммм, искренне протащился со своего нынешнего состояния, и осознал его намного лучше, чем я. Как вы думаете, кто фотки подменил? Вот то-то и оно. Хотел позабористее, но я не позволил. Мы же всё-таки интеллигентные люди.

Ярош, кажется, поверил.

Я мельком посмотрела на красивые руки Грега, и тихо поёжилась: на них живого места не было от ссадин и шрамов.

– Где вы так?

Грег задумчиво посмотрел на свои пальцы, согнув и вытянув их.

– Пустяки, дело житейское, – ответил он, убрав руки в карманы. – Я что спросить-то хотел: ребят, когда собираемся?

– Да хоть сегодня! – откликнулся повеселевший Ярош.

– Так дела не делаются, – одёрнул его Грег. – Помещение надо подготовить, с гостями определиться, своих организовать.

– Так ведь...

– Тише, тише, я знаю, кто такая пани Фридерика, какие она эпитеты, и какие обценные выражения она понавытворила с нашим клубом.

– А кого приглашать-то будем? И куда? Она же, как вы правильно сказали...

– Мы ещё успеем всё исправить. И народ обратно привлечём. А приглашать... Если я свои кандидатуры предложу, то клуб резко станет спиритическим.

– А поподробнее? С кем вы там зазнакомиться успели?

Грег хитро посмотрел на нас.

– Смерть видел. Красивая женщина, – вздохнул он. – Можно с полным правом сказать, что она успокаивает, как никто.

– А...

– Святого Петра не видел, нет, так высоко не забирался. Но ангелы попадались... что ещё? Встречался с двумя бодхисаттвами в баре. Они просили не говорить, в каком.

– Хм.

– Там же видел святого Себастьяна – бывший римский легионер, вполне себе серьёзный мужик. С очень сочным и выразительным лексиконом. И с ревматизмом. Очень недоволен, что покровительствует геям и непослушным детям, каб их холера да через четвёртое колено, мать-перемать, но на начальство роптать боится. Посоветовал ему пару книжек по педагогике, и пообещал себе никогда больше с ним не пить.

– О.

– А ещё я о чём-то беседовал с Исидором Севильским. Он тоже в недоумении от сво-

ей сферы деятельности. Интернет, ну надо же! В общем, выбор у нас теперь большой. Йоля, как с рассказом?

– Туго, – призналась я.

– Дальше будет проще, – Грег застенчиво почесал нос. – Сумма впечатлений рано или поздно даст о себе знать. Пойдёмте, что ли, чаю выпьем. У вас всё равно сейчас ваш любимый польский язык с вашей любимой учительницей, дай ей Бог крепкого здоровья.

– А, кстати, вы... – начал Ярош.

– Ладно, ладно! – Он предугадал его вопрос, и от души рассмеялся. – Мне хотя бы попритворяться можно, злобные живые критиканы? Или будем на полном серьёзе про эктоплазму рассуждать?

– Нет, конечно. Вы ж не одноклеточное.

– Вот и славно. И даже лестно.

– Ошибочно думать, что по ту сторону жизни время становится каким-то принципиально другим. Время – река. Для человеческого существа это всегда река. В любом своём представлении оно было и останется рекой – с дельтой ли, с островами ли, но рекой.

Вся разница в восприятии. Оказавшись по ту сторону, ты начинаешь понимать, как движется каждый ток воды в этой реке. И настолько ясно осознаёшь это, что увидеть какой-то водоворот уже не составляет труда. И понять, что его вызвало – тоже.

Ты уже не пловец. Ты – гидролог, изучающий эту реку с помощью приборов, которым даже не обязательно существовать. Главное, чтобы лично тебе были нужны они сами и их показания. Ты знаешь, как войти в эту реку дважды. Знаешь, в каких омутах водятся черти, а в каких нет. Всё тебе известно, вот такой ты теперь умный.

Но в то же время ты почти не имеешь возможности передать эти знания. Стоишь на песчаной косе посреди реки со всем своим оборудованием, машешь руками и кричишь: наро-о-од, я зде-е-есь! Я знаю истину! А косу сносит всё дальше от твоего берега. Вместе с тобой. Всё дальше от твоего времени и поколения.

Почему вампиры такие злые? А им общаться не с кем. Все ровесники мертвы, а от постоянного наблюдения за сменой поколений характер портится даже тогда, когда ты не стоишь в пищевой цепочке звеном выше. Посмотрите на глубоких стариков, для многих это окажется верным. И дело тут даже не в отмирании нейронов, совсем

не в нём.

Поэтому ошибочно и думать, что теперь-то мы уж точно бессмертны. Мы живы, пока мы нужны. И мы живы для тех, кому мы нужны. И мы остаёмся привязанными ко времени и к поколению, потому что лишь считанные единицы во всей истории оказались способны встать над ними.

Это, пожалуй, главное, что я понял для себя за этот месяц.

Стефан договорил и замолчал, положив острый подбородок на сплетённые пальцы и глядя на медленно падающий за окном снег.

Я испытывала странное, с трудом выразимое чувство.

Как будто и не было этого месяца добровольного заточения во внутреннем склепе, где холодно и грязно.

И будто небо больше никогда не будет сморщенной серой кожей с чёрными выпирающими капиллярами – а было и останется синей, ясной и свободной бесконечностью.

К четвёртому уроку школа уже гудела, как улей. Не знаю, как там директриса и Фрыдзя, но в оживлении школьников я не заметила страха.

Пан Даньковский пропустил нас с Ярошем вперёд, и вошёл следом.

– Так, ребята, я тоже рад, но сначала алгебра! – Он бодро сверкнул глазами, обводя взглядом наш класс, и аккуратно положил на стол простреленную папку.

И сначала была алгебра. Посетовал, что заменявший пан Ковалевич нас совершенно распустил, дал новый материал, вызвал к доске пару-другую жертв, и был в целом доволен результатом.

Ярош не выдержал первым:

– Нам тут пан Грегорович вас сдал!

– Интересно, – Даньковский прищурился и склонил голову набок.

– Он сказал, что вы всё понимаете.

Берти задумчиво кивнул.

– Смотри о каком «всё» он говорил. Я, например, теперь понял, как воскрес Христос, почему Элвис жив и почему Боб Марли не умер, а вышел покурить. А вот как Христос делал чудеса, Элвис стал звездой мирового мас-

штаба, а Боб писал такую музыку, можете даже не спрашивать. Я свою работу работаю, а они свою. Кстати, Спасителю, наверное, пришлось бы несладко, если бы в первом веке нашей эры были видеокамеры. Наш охранник чуть не сбрендил – перед ним мужик прошёл, а на мониторе никого.

Я вспомнила снимки Каролы, и посочувствовала охраннику.

– А почему вас не хоронили? – спросила я.

– А вам бы не было тошно от мысли, что вас, натуральным образом, закопают под заунывные речи директора школы над самой идиотской вашей фотографией и кошмарное музыкальное сопровождение? В двадцать семь неполных лет? – со смехом спросил Берти. – Естественно, мы учинили произвол и постарались сделать всё возможное, чтобы до этого не дошло. Удалось устроить так, что нас кремировали и развеяли по ветру. Типа по ошибке.

– А кто убийца? – донеслось с задних парт.

Даньковский выразительно посмотрел на спросившего.

– Дворецкий, чёрт подери. Нет, ну серьёзно! И часто вам, Станек, призраки убийц называли? Ну, не считая тени отца Гамлета, которая художественный вымысел и вообще враки.

– Ну а почему нет? Соберёмся и отомстим.

– Ста-нек, – отдельно и строго произнёс Даньковский, – во-первых, я пока что очень даже в состоянии отомстить своему врагу самостоятельно, а во-вторых, посмотрите на это моими глазами. Школьник, пусть даже и крепкий парень, предлагает ринуться в атаку на маньяка. На маньяка со связями – причём и по эту сторону бытия тоже, более того, связавшись с ней, он и сбрендил окончательно – и неплохим вооружением. Так что оставим эту тему, и давайте лучше о птичках.

Он уселся на угол учительского стола.

– Простите за нескромный вопрос, а вы сейчас эктоплазма?

Послышался смех.

– Назвали меня одноклеточным, и рады, – притворяясь обиженным, протянул Бертрам. – Да никакой эктоплазмы. Про виртуальные машины слышали? Ну вот. Вы любезно согласились разместить образ моей системы на своих вычислительных мощностях. И я тронут, – он потушил взгляд и попытался выправить голос, ставший вдруг глухим, – представить не мог, что вы можете так любить. И кого? Меня...

– Пан Даньковский, вы погодите расстраивать-

ся. Да под это целую теорию посмертного существования можно подвести! – восхитился Генька, наш отличник.

– Не вздумайте и пытаться. Учёные на вас как на идиота посмотрят. У них как-то не принято теории на личных субъективных ощущениях строить.

– А как у вас получается двери открывать, например?

– Да и не получается, – пожал плечами Даньковский. – Жду, когда кто-нибудь откроет. Вы же видели, что я и в класс вслед за Ярошем и Йолей зашёл.

– То есть, вы галлюцинация? Тогда почему мы видим вас, так сказать, массово? – вклинился Ярош, снова впадая в нервную болтливость. – Да ещё и слышим. Да ещё и одинаково, каб его холера! Ну что за дела такие?

– Про виртуальные машины слышали, а про распределённые вычисления нет? – приподнял брови Даньковский. – А теперь, кроме шуток. – Он выдержал паузу. – Всё дело в вас, в правильности ваших представлений о человеке, и силе вашей любви к нему.

С места резко поднялась Карола.

– Пан Даньковский!

– А?

– Тогда почему вы здесь, а мой отец – нет?

– А можно я всё-таки по порядку? – почти жалобно попросил Берти.

– Излагайте, пан Берти, – Карола бухнулась на стул. – Я не буду мешать.

– Почему мёртвые редко заявляют о себе? Ну, казалось бы, пан Даньковский восстал и начал полтергейстить, так почему нельзя поступить, как пан Даньковский? А вот почему. Люди после смерти остаются людьми. А тут новое восприятие мира, с которым довольно сложно освоиться. Я вообще себе бессмертие как-то иначе представлял... дискретно, что ли: в лучшем случае, думал, что в мире снова возникнет комбинация генов, которая заставит меня ощутить себя живым.

Я могу идти в школу с семи сторон одновременно, и разговаривать с семьёю разными людьми о семи разных вещах. Но кем меня сочтут, если я так сделаю? Банальной галлюцинацией. От горя крыша поехала, скажут.

Я мог бы рассказать всё, что рассказываю сейчас, во сне. Многие так и поступают: сны

не особенно напрягают живых родственников, и вполне позволяют их, например, успокоить. Но мне важно, чтобы вы мне поверили. И посему приходится изгаляться с синхронизацией своего поведения в тридцати разных временных потоках. В тридцати сознаниях присутствующих здесь. Будь иначе, вы бы подумали: ну сон, ну с кем не бывает. Значит, сильно скучали, раз приснился.

А по ту сторону думали об этом довольно давно. А поскольку люди всегда остаются людьми, то они пришли к чисто человеческому соглашению: не баламутить живых. А взялся баламутить – будь добр являться либо в месте смерти, либо с каким-то атрибутом, указывающим на причину.

Даньковский продемонстрировал простреленную папку.

Он выглядел грустным и сосредоточенным.

– На моё счастье, вы сочли меня достаточно умным и живым для всего этого. И для посмертных проделок, и даже для полномасштабного воскрешения. Будь иначе – я был бы по рукам и ногам связан ограничениями предоставленных мне мощностей. Да, да, вы дали согласие, вы впустили меня в свои души, и я этого совсем не ждал. – Он помолчал, обдумывая вывод. – В общем, учитесь любить и понимать людей. И в то же время учитесь быть приемлемыми и понятными. У вас под ногами однажды не окажется тверди, которая носила вас на себе просто так, просто потому, что вы родились на этой планетке.

Окажутся только люди, которые вас любили и знали.

Или их не окажется.

Но вдруг уже после вы поймёте, что сказали ещё не всё, и уходить на новый уровень пока не хочется?

На кладбищенский парк за окном спустились синеватые сумерки, неожиданно ясные. На капиллярах ветвей повисли серебряные капли звёзд.

Ёжась от холода, я сидела в комнате Берти, и думала над рассказом. Двери были распахнуты. Но иначе никак.

Удивительно спокойно было в этой тишине, среди аскетичных голых стен и стеллажей, от пола до потолка уставленных книгами.

Может, потому, что теперь я знала, как воскрес Христос, жив Элвис и так далее. И знала, что время – река. И теперь уже понимала, что на самом деле важно.

А может, потому, что они скоро должны были

прийти.

И они пришли – все трое: Грегорович, Даньковский и его верный Лютик. Мать честная...

Я подорвалась с подоконника, чудом удержав вопль, и метнулась к ним.

– Йолечка, – умоляюще посмотрел на меня Берти, едва шевеля разбитыми губами, – мёртвым пластырь не нужен. Лучше Лютика полежи, он пока живой, и легко отделался.

Не слушая, я обняла его, макушкой едва доставая Берти до груди. Он был тёплый, вполне осязаемый и живой. И погладил меня по волосам.

Лютик с хриплым и долгим мяуканьем потёрся о мою ногу. Я наклонилась, и почесала его за уцелевшим ухом. Да, тут пластырем явно дело не обойдётся.

– С объятиями так вышло потому, что ты так думаешь, – объяснил он, продолжая сочувственно глядеть на меня. – Ожидала бы чавкающую эктоплазму, её бы и обняла.

– Да неважно, – помотала я головой. – Что случилось? Что?

– Йолечка, – тихо сказал Стефан, осторожно садясь на диван. – Помните, мы как-то Нила Геймана на собрании читали? Был у него рассказ, где кот боролся с Сатаной.

– Да, помню...

– Ну вот. У котов свой дьявол. А у учителей – свой, – вздохнул Грег, глядя на свои руки – искалеченные, обожжённые и дрожащие от усталости.

– И кто он?

– Да тот же, кто заставляет живых рыть себе могилы, – просто ответил он.

– Вот эти? Которые типа сами по себе появляются?

– И не только. Любая серьёзная борьба однажды вырождается до символического уровня, осознавая сама себя, а потом возвращается в прежнее состояние. Так и с этими могилами... – вздохнул Грегорович, глядя запрыгнувшего на его бесплотные тощие колени кота. – Так что будьте готовы закапывать пустые могилы в любом их проявлении, Йолечка. В душах ли, в земле ли. Рано или поздно вы сами поймёте, что это за дьявол такой.

Я опустила на пол, прислонившись спиной к дивану, и закрыла глаза.

– Я вас люблю.

– И мы вас любим, – устало откликнулись они вразнобой.

Берти попытался ухватить забытую на столике чашку, но рука свободно прошла сквозь неё.

Я закусила губу, чтобы не заплакать.

– Что будет потом?

– Мы уйдём. Куда-то. Все мы когда-то куда-то уйдём, – меланхолично отозвался Грег. – Главное, не оглядываться по дороге.

Галеева Юлия

День Оленя

Ненавижу елки. Целых три минуты простоять на тротуаре, пытаюсь капюшоном укрыться от яростных порывов ветра, мечущего мне в лицо ледяные иголки снежной крупы, чтобы, едва добравшись до середины перехода, угодить в компанию ликующих обладателей этих зеленых колючих чудовищ.

– Извините! – радостно крикнул мне в спину кто-то, и добавил: – С Наступающим! – как будто это могло что-то изменить.

Я злобно кивнула, неуклюже поправляя намокшую и спутанную челку. Прошла мимо нестройных рядов импровизированного рынка, открывшегося в этой части города неделю назад – елки и сосны всяких размеров и форм, прилавки, забитые мишурой и яркими игрушками. Все мерцает, переливается разными цветами, зазывая последних покупателей – тех, кто привык делать все в последний момент. А покупать елку 31 декабря – это верх мастерства «назавтрооткладывания». Хотя, я успешно избегаю этого ритуала на протяжении почти четырех лет. И ничуть не жалею.

Уверенно шагаю мимо этого карнавала блестящего конфетти и баллончиков искусственного снега, сворачиваю в переулок. Звуки рынка стихли, стоило мне пройти через узкую арку во двор. Оглядываюсь по сторонам, стараясь различить, что написано хотя бы на одной из свежезанесенных снегом табличек. Так, дом 38, значит, где-то рядом должен быть 37... В этом городе нельзя ничего сказать наверняка, но порой мне и вовсе кажется, что над нумерацией домов трудился рандомизатор. Проходя мимо детской площадки, карусели и горки которой едва различаются за свежими сугробами, я прокручиваю в голове предстоящий разговор.

Дорожки почти не протоптаны, не смотря на то, что уже почти вечер. Неудивительно, что сегодня среди обитателей этих хрущевок нашлось крайне немного желающих выбраться из дома: праздничный день, сильная метель, Петросян по телевизору, оливье, терпеливо ожидающее своего часа в холодильнике... Но у меня сегодня – обычный рабочий день. Я усмехнулась, вспоминая недавний разговор с начальником.

- Тридцать первого?

- Да.

- Работать?

- Да.

Сергей Иванович задумчиво смотрит на меня, нахмутив брови, перебирает пальцами по столу, будто играет гаммы на рояле – он всегда так делает, когда задумывается. Об этом даже технички у нас знают.

- За лишний день летнего отпуска, разумеется, - добавляю я.

- Да я понял, что не из бескорыстного желания пахать, - он, прищурившись, смотрит на настенный календарь, и будто пытается найти подвох. Затем, вздохнув, отвечает:

- Хорошо, работай. Я помечу тебе ещё пару дней к летнему отпуску.

Обрадовавшись, я сказала «спасибо» и быстро направилась в сторону двери.

- Подожди, - окликнул он меня, когда я уже поворачивала ручку. – И все-таки, зачем тебе это нужно?

- Я все равно не отмечаю Новый Год, - коротко ответила я и выскользнула из кабинета, дабы избежать дальнейших расспросов, а то и, не дай Бог, нравоучений.

И вот сейчас я впервые пожалела о своем решении. Ну кто мог знать, что погода подкинет такую подлянку? Неделю назад зима была поистине пушкинской - легкий мороз, яркое декабрьское солнце и почти полный штиль. Красота с открыток - тех, на которых снежные деревья и речки подо льдом. А вчера вечером поднялась сильная метель. Я тогда сидела дома, с закрытыми глазами вкушая последний альбом любимой группы. Завывания метели, которая билась яростно, будто в агонии, достали меня даже через громкие звуки электрогитары. Отложив наушники, я подошла к окну. Через стекло не было видно почти ниче-

го, кроме едва различимого света в окнах дома напротив и снежных потоков, которые метались по воздуху, казалось, совершенно беспорядочно, во все стороны одновременно. На несколько секунд я даже залюбовалась картиной за окном. Было в этом буйстве что-то настоящее, громкое, вселяющее страх и заставляющее уважать силу стихии. Приникнув к холодному окну, я несколько минут наблюдала за ним, но это скоро мне надоело, и я вернулась к ноутбуку. Ночью кто-то, не дожидаясь Нового Года, запускал в моем дворе фейерверки, и так и не дал мне уснуть. А утро встретило меня заметенными тротуарами и многокилометровыми пробками на дорогах.

Направление, которое должно было, по моим предположениям, привести к искомому дому 36, привело к старой пятиэтажке, на которой едва различалось: «41». Вздохнув, я повернулась, собираясь идти дальше, но что-то меня остановило. Смутное беспокойство заставило обернуться и посмотреть ещё раз. Сорок один. Во мне зародилось какое-то неуловимое предчувствие, похожее на маленького юркого паучка, который ползает вокруг солнечного сплетения, заставляя ежиться не только от холода. Дежа-вю. Так это называется. Я сегодня уже чувствовала это, во время утреннего звонка от друга.

- Алло, Ника? Это Макс.

- Привет, я узнала тебя, - сонно произнесла я, добавляя молока с чашку с растворимым кофе.

- Ты не передумала насчет Нового Года? Может, все-таки будешь праздновать с нами?

На секунду мелькнуло смутное, почти интуитивное беспокойство. Буквально на мгновение, как будто голос из самых глубин сознания прошептал «Соглашайся» и скрылся, стал неразличимым среди сотен других, подстрекавших остаться дома и не изменять своим привычкам относительно Нового Года.

- Нет, я не передумала.

- Ну ладно, - сказал он, после чего пожелал счастливого Нового Года и положил трубку.

Я не люблю перемены. Порой мне кажется, что я опасаюсь самих перемен, но это не так. Я боюсь той неизвестности, что следует за любыми переменами. И порой ругаю себя за это, осознавая, что подобных страх тормозит меня, не давая двигаться дальше. Порой мне и вовсе кажется, что я застряла в одном состоянии, совершенно не меняясь на протяжении нескольких лет. Одна и та же работа, те же друзья, которые с каждым годом все

больше становятся просто знакомыми, те же унылые вечера перед экраном монитора. И даже-вю давно уже не удивляет. Я не первый раз отказываюсь от совместных празднований.

Но в данной ситуации это чувство заставило меня беспокоиться. Такое ощущение, будто я уже была здесь, возле этого дома, входила в подъезд, поднималась в чью-то квартиру. Как будто здесь жил тот, кто был мне небезразличен - но все чувства утонули в потоке времени, как и воспоминания об этом месте. Но нет, этот двор ни капли не кажется мне знакомым. Хотя... Если мысленно очистить его от снега, вернуть лет на двадцать назад, убрать эти качели на площадке (им явно не больше года), то... что-то всплывает в памяти, накладываются картинки, создавая цельную картину событий уже, кажется, совсем далекого детства.

Мне было лет восемь. Или девять. Точно не больше, потому что после мы с родителями переехали в другой район. А до этого мы жили неподалеку, и я ходила в школу, буквально в паре кварталов отсюда. И кто-то из моих школьных друзей наверняка жил в этих дворах, иначе бы меня так не зацепило все это. Только вот кто?

Память, скрипя шестеренками, потихоньку несла меня в самые глубины воспоминаний, где тоже был Новый Год.

Когда ты ребенок, тебе это действительно кажется праздником. Да и посмотреть на многих взрослых - и кажется, что они тоже недалеко ушли от этого состояния. Или, во всяком случае, впадают в него с периодичностью раз в год. И всякий раз - одно и то же. Город одевается в один и тот же нелепый наряд из мишуры и серебристого «дождика». Одни и те же игрушки в магазинах, те же рекламы по телевизору. И все так рады, так счастливы, словно происходит нечто уникальное, удивительное, чего с ними никогда раньше не происходило. Хотя, повод, по сути, пустячный. Всего лишь изменение одного из чисел в записи даты.

Но в детстве все казалось иначе...

Снежок, пущенный кем-то из друзей, угодил мне прямо в затылок. Неуклюже махнув руками, я потеряла равновесие и упала лицом в снег.

- Ну теперь держитесь! - крикнула я, вставая.

- Ника, Ника! - окрикнула меня подруга. -

Это Миша кинул, я все видела!

Остальные радостно заулюлюкали, предвкушая снежную дуэль. Наскоро лепя снежок, я побежала следом за Мишей - моим одноклассником, мальчишкой небольшого роста, всегда радостным.

- Сначала: догони! - крикнул он, убегая во дворы.

Я, смеясь, побежала следом, а за мной - добрая часть друзей. Миша убежал от меня, петлял в переулках, скользил по расчищенный ледовыми дорожкам (отдельное спасибо недавней оттепели от всех окрестных ребяташек), перепрыгивал через сугробы. Я едва поспевала за ним следить, а остальные уже вернулись обратно, потеряв нас из виду.

- Попался! - крикнула я, когда он остановился у стены тупикового переулка, и метнула снежок.

Он ловко увернулся от него, громко засмеявшись. Я вспыхнула, собралась было скатать новый, но поняла, что на это у меня уже не осталось ни сил, ни желания.

- Как ты увернулся? - спросила наконец я.

- Ты каждый раз кидаешь снежок одинаково, - улыбнулся он.

- Каждый раз? Ты вообще впервые с нами играешь! - возмутилась я такой наглости от «новичка», который мало того, что завалил меня в снег, кинув снежок чуть ли не с другого конца дорожки, так ещё и делает вид, будто знает все про мои броски.

Он огляделся по сторонам и, махнув рукой, сказал:

- Иди сюда.

Я стояла, уперев руки в боки, но постепенно любопытство уступало детской обиде за проигранный раунд. Я подошла к нему и он, ещё раз оглядевшись вокруг, тихо зашептал:

- Это мой не первый Новый Год.

- Ой! Нашел чем удивить! Я тоже уже его праздную в целый седьмой или даже восьмой раз! - разочарованно воскликнула я.

- Нет, ты не поняла, - сказал он и добавил, снова перейдя на шепот. - Это не первый раз, когда я праздную именно этот Новый Год. Этого года, понимаешь?

- Нет, - честно призналась я.

- Ну, в общем, самый первый раз, когда куранты били и дяденьку... ну, президента, по телевизору показывали, я загадал желание, чтобы этот Новый Год никогда не заканчивался! Ни-когда! - радостно шептал он, переминаясь с ноги на ногу. Казалось, этот факт разрывал его изнутри, и он

не мог спокойно стоять на месте, открывая его кому-то.

- И что? Что дальше? – нетерпеливо спросила я.

- Потом родители отправили меня спать, а когда я проснулся, снова было 31 число! И снова все по новой – мы наряжали елку, праздничный обед, потом я играл с вами в снежки, ездил с отцом на площадь, праздничный ужин, подарки, концерт по телевизору и ещё много-много чего! – под конец он уже почти кричал, забыв про свой конспираторский шепот.

- Врешь ты все!

- Да не вру я. Хочешь, докажу? – с вызовом спросил он.

- Докажи! – ответила я, снова уперев руки в зеленых, мокрых от снега перчатках в боки.

- Смотри туда! – сказал он, показав на узкую арку во дворе дома. – Примерно сейчас там пробегут остальные – они нас ищут.

Я фыркнула, но посмотрела. Но, где-то через полминуты, они действительно быстро промелькнули мимо арки, даже не потрудившись заглянуть.

- Совпадение, – буркнула я.

- Не хочешь, не верь! А я изучил этот новый год до мелочей! Я каждый уголок его знаю! И могу прожить его по полной сколько хочу раз подряд. Как в том фильме про американца, который что-то с зайцем... ой, то есть, с сурком сделал.

- Миша! Вероника! – послышалось со стороны улицы.

- Пошли лучше назад, сказочник.

- Да. Самое время. Там как раз сейчас мимо твои родители проедут, и они заберут тебя домой дальше праздновать.

Я только посмеялась над его словами. Он был главным шутником в классе, и все время всех разыгрывал. Но, когда родители действительно подъехали к нашей компании, едва мы снова собрались вместе, я, честно признаться, на секунду ему поверила.

Более того, когда в эту полночь били куранты, я даже в какой-то момент решила тоже загадать такое желание, чисто для проверки: а вдруг сбудется? Но, поняв, что, если я буду каждый раз просыпаться 31 декабря, то никогда так и не узнаю, что оставил мне под елкой Дед Мороз, передумала.

Все было прекрасно. Празднично и вол-

шебно. А на следующий день, после того, как я разобрала подарки и вдоволь с ними наигралась, родители сказали, что мой одноклассник Миша серьезно заболел. Подробности я узнала от других одноклассников, только вернувшись с каникул. Кома. «Это когда человек все время спит, но не умер» – объяснили они мне.

Не знаю, сколько я стояла у дверей его дома, пытаюсь хоть что-нибудь вспомнить. Глупо было бы явиться сейчас, по прошествии стольких лет. Даже ради того, чтобы спросить, как у них дела. Они не знают меня, а я – не помню даже номера их квартиры. Если, конечно, они вообще до сих пор там живут. И если Миша вообще жив.

Я вернулась обратно, нашла нужную квартиру, заполнила у клиентов необходимые документы и, увидев, что уже за шесть, отправилась домой. Этот давний случай не давал покоя.

- Мама, а Миша спит, потому что он остался в Новом Годе?

- Не говори глупостей. Что за бред? Тебе надо меньше смотреть телевизор.

Что произошло тогда? Нелепая шутка неизменного приколота, или каким-то образом он смог вырваться из этого бесконечного новогоднего круга и рассказать мне, что с ним происходит на самом деле? Разум кипел от безумных предположений. Это невозможно, такое просто-напросто невозможно.

А если все-таки... Остается только надеяться, что за сотни и тысячи дней ему не надоел запах мандаринов. Потому что мне он успел приесться уже за двадцать с лишним раз.

Я ехала домой, стараясь не думать обо всем этом. Но решила, что на этот раз стоит изменить своим привычкам и все-таки отпраздновать новый год. Или хотя бы дождаться курантов.

Перебирала в памяти друзей из старой школы, с которыми можно было бы связаться. На ум пришла только Вика – озорная болтушка, которая ходила со мной в один танцевальный кружок в детстве. Благодаря общим занятиям танцами мы продолжали дружить даже после того, как я перевелась, вплоть до момента, когда это занятие потеряло для меня всякий смысл. Мы давно не общались, но, кажется, где-то на мобильнике у меня был её номер.

- Алло, Вика, привет.

- Привет! – радостно воскликнула она, затем спросила: – А кто это?

- Это Вероника.

- Какая Вероника?

- Ну, Старовойтова Вероника, помнишь, мы учились в одной...

- Да, Ника, я тебя вспомнила! Ну, рассказывай, как дела, что нового? – затараторила она.

- Все хорошо... Ник, у меня такой вопрос, ты в курсе того, как дела у кого-нибудь из одноклассников... - я замялась, подбирая слова.

- Твоих одноклассников сейчас?

- Да, конечно. Я про всех в курсе, - подтвердила она.

- А помнишь Мишу, который в коме был, ты не в курсе, что с ним сейчас?

- Мишу? – она замолчала. – Какого Мишу? У нас не училось ни одного Миши, я точно помню. И в кому уж точно никто не впадал, иначе я бы запомнила. Ты наверно перепутала свои школы, подруга! – засмеялась она.

- Да? Наверно... Ладно, спасибо. Счастливого Нового Года.

- И тебе хорошо отметить! – радостно сказала она перед тем, как положить трубку.

Я вышла из маршрутки с твердым намерением навсегда выбросить из памяти неизвестно откуда взявшиеся воспоминания. Но они не давали мне покоя. Даже приходила мысль, что у меня помутился рассудок от постоянного недосыпа, оттого и начинаю путать вымысел с реальностью. Глубоко вдохнув холодный воздух, я огляделась.

Ветер стих. В свете фонарей крошечные мерцающие снежинки были похожи, скорее, на горсть сверкающих блесков, летящих с неба. Подчинившись порыву, я поймала несколько на руку, но они тут же растаяли, прощально сверкнув серебром на черной перчатке. Вокруг было шумно, но у меня на душе стало тихо и спокойно: редкое, но приятное чувство, когда чувствуешь, что ближайший день, а то и несколько, не принесут неприятных сюрпризов. Все будет мирно и предсказуемо. Самое то после бурного декабря.

Новый год я так и не отпраздновала. Более того, легла в кровать раньше полуночи, хотя обычно засиживаюсь за какими-либо проектами, либо же за онлайн-играми до трех часов ночи. И тут же заснула. Пару раз меня будили звуки салютов, но я не обращала на них внимания.

Утром меня разбудил писк будильника. Ужасно не хотелось покидать теплую кровать и я, укутавшись в одеяло, побрела к окну. Сильная метель и множество сугробов. Очень некстати, мне же сегодня на работу. Но делать нечего, я сама вызвалась в этот праздничный, тридцать первый день декабря.

Елена Макарова

Елена Черникова

Родилась в Брянске, закончила Кировоградский педагогический институт. Печаталась в Кировоградской и Брянской периодике с 1981 года. Участница литературного семинара при Брянском отделении союза писателей России. Автор романа "Неаполитанская песенка".

Миниатюры из сборника «Зубная фея»

Ясневый пенёк

– Ты чего ревешь? – Мась с удивлением смотрит на мальчика, сидящего на пне.

Второй стоит рядом и тоже ревет. Третий мальчик смотрит не менее удивленно, но он знает, в чем дело и объясняет Мась, что Алеша сел на пенёк, а Федор тоже хочет сесть, но Алеша не разрешает. Пенёк большой и высокий, серый, старый. Один такой на всей площадке. Скамейки есть, а пня больше нет.

– Так места же много, смотрите, я помещусь, и ты, Федя, садись тоже. И тебе, Олеж, останется. Видите, как хорошо.

Мась влезает на пенёк и указывает на место рядом.

Воспитательница не видит, что происходит, она неподалеку на скамейке спиной сидит к зарождающейся на ясневом пне демократии, и ей неинтересен рев. Алеша взялся реветь еще громче: его место заняли. Не получается демократия, однако. Что делать?

Хэллоуин

Опускаешься на барный стул, в надежде передохнуть от беготни – тридцать баров и ресторанов нужно обойти в маркетинговом исследовании. Хорошо, хоть большинство баров – в центре. В каждом своя атмосфера – где-то накурено, гремит музыка, где-то тепло, уютно, полумрак и вкусно пахнет кофе. Хорошо после промозглой улицы. Сейчас администратор распишется: никаких изме-

нений не произошло, закрываться в кризис не придется, бизнес даже в гору идет. Вдохнешь с облегчением и побредешь дальше. Барменша, тетка – вамп со стильной, косо срезанной челкой и жирными стрелками на веках, ушуршала куда-то. Негромко играет музыка. Нет, заказывать ничего не буду, скоро домой. Но где же она, эта тетка, за администратором пошла, за смертью посылать... Так и задремать недолго, в тепле и полумраке.

Рядом – фигура. Черный шелковый плащ в пол с остроконечным капюшоном, мягко блещет клинок косы... Ой, как уже? Нет-нет-нет, погодите, я... Сердце мягко срывается и катится на пол, подпрыгивая.

– Ага! Испугались! – звонко хохочет. – Где вам тут что подписывать? Да ладно вам, праздник же, хэллоуин!

Попрыгунья

– Да, мы паркуром занимаемся.

Симпатичная восьмилетняя девчужка, голубоглазая, с золотистыми кудряшками, легко соскакивает из окна подъезда на козырек.

– Сейчас спрыгну! – кокетничает с мальчишками, собравшимися кружком у подъезда.

– Прыгать вниз будешь? Подожди, «скорую» вызову. Ты, наверное, решила летние каникулы в больничке провести. Это же у кошки девять жизней, а тебе так хочется в гипсе полежать. Лето, жарко, а руки под гипсовой повязкой чешутся... Зелень вокруг, небо голубое, солнышко светит, а ты из больничного окошка смотришь. Думаешь, твои орлы тебя навещают в больничке? Спускайся во двор, иди, побегай, в мяч поиграй, паркурщица!

Андрей Бертыш Карлсон

Автор родился 16 августа 1971 года в Бежицком районе г.Брянска.

Печатался в сборниках «Острова», «Антология комбинаторной поэзии», в альманахе «Черновик», в альманахе «Литературный Брянск» в периодической печати. Работает в данный момент программистом, занимаясь обслуживанием 1С.

Репка

Культура пересказом наша крепка.
Хоть сплошняком бурьян среди полей,
Но сказка детям, как и прежде "Репка".
Тянуть совместно репу веселей.

Когда-то сказка родилась в народе,
Рассказывали деду и тебе,
С тех самых пор когда на огороде
Как и в полях пахали на себе.

Тогда другие были здесь порядки
Во власти были мы других идей.
Мы бороной окучивали грядки
Был дефицит железа, лошадей.

Жила по справедливости община
И в браке слова не было любовь
Кормилец (тягло) - это был мужчина,
А к дочери приданое готовь.

Родится сын, конечно, это дело
Мужик придёт немножечко пьяней
Поскольку состояние надела
Зависит от количества парней

А если дочка у жены родится
То недоволен, Сам, наоборот
Пахать на ней? Она не пригодится
Надел не в рост и только лишний рот.

Приданное себе девчонки шили.
Приданное лишь шанс на крепкий брак.
Любви не знали. Замуж выходили
Там узнавали: принц или чужак.

Такой была крестьян нелёгкой доля.
В деревне был, сигал через плетень
Не садим репу, зарастает поле
И множим список мёртвых деревень.

Мелодия возвышенной любви
Мелодия возвышенной любви
В тональности безвыходного пьянства.
О, Господи, мой труд благослови
И дай сыграть сонату постоянства.

Я знаю, что мой путь незавершен
И что не сам я выбирал дорогу,

Но если Богом мой вопрос решен,
То это хорошо и, слава Богу.

Не отступлюсь я, как араб упрям,
И также склонен говорить стихами,
И, как Силен, я пью и все не пьян
И говорю, по меньшей мере, с вами.

Есть у меня терпение и труд
И, если надо, я готов смириться,
И я покуда тут, пока не труп,
А если так, все может измениться.

Ответ Галичу

С серебряного века, только лики.
Есть сборники, но не у всех гробы
И тут не то что б Мандельштам великий,
Но он поэт трагической судьбы.

Поэта же ни что не остановит,
Когда ему трагедия, как цель.
Один поэт за даму пулю ловит,
У Осипа со Сталиным дуэль.

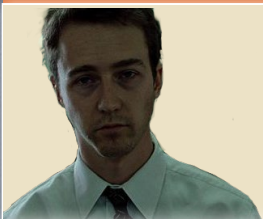
И только тень осталась разговорца,
Понятного ещё сегодня нам.
— Читал ты мандельштамовского горца?
— Безумный Осип! Бедный Мандельштам!

Прошли года и каждый понимает,
Хоть Мандельштама раньше был дебют,
Нет, не всегда поэта убивают,
Но так порой напишет, что убьют.

Позор всем нам, поэту же реклама,
Он из всего сумеет сделать знак,
Позор властям, убили Мандельштама,
Позор народу, умер Пастернак.

Я тугодум, мысль медленно я плавлю
И лишь недавно я вопрос задал,
Ну, а была б у Пастернака травля,
Когда бы Мандельштама он не сдал?

Кое-что о нас

#созерцательность

Биографии, присланные главному редактору, варьировались от «студент, двадцать лет» до «Я родилась в романтическом уездном городке, где шумели липы...».

То, что ниже - попытка выделить главное. И пойти, наконец, спать.

Елена Макарова

Место рождения: Клетня.
Социальный статус: студент.
Статус в клубе: координатор.
Место обучения: БГТУ, кафедра СИБ.
Формы: малая проза, стихи.
Жанры: мистика, фантастика, реализм.
Остальное: КВНщица, декламатор, импровизатор. Участвует в арт-пространстве «Бульвар». Знает и умеет фортепиано и гитару. Увлекается информационными технологиями.

Юлия Галеева

Место рождения: Брянск.
Социальный статус: студент.
Место обучения: БГТУ, кафедра ИиПО.
Формы: малая проза, но чаще стихи.
Остальное: любит сов.

Александр Бормотов

Место рождения: Брянск.
Социальный статус: студент.
Статус в клубе: «Саши опять нет?»
Место обучения: БГТУ, кафедра ИиПО.
Формы: стихи.
Остальное: Пробовал себя в роли обзорщика. Любит, когда музыка тяжела, а вокал экстремален. А ещё любит пони, раду и кавай.

Евгений Егоров

Социальный статус: студент.
Место обучения: БГТУ, кафедра ИиПО.
Формы: стихи.
Остальное: староста группы, исторический реконструктор, состоит в клубе «Чёрное копьё». Лаконичен.

Дмитрий Ермачков

Место рождения: Брянск.
Социальный статус: выпускник.
Статус в клубе: старожил, человек с гитарой.
Место обучения: БГТУ.
Формы: стихи, музыка.
Жанры: лирика.
Остальное: имеет первый разряд по лыжным гонкам. Отдал долг Отчизне. Пишет с восьми лет. Автор и исполнитель собственных песен.

Наталья Опекунова

Место рождения: Брянск.
Социальный статус: студент.
Статус в клубе: активный участник.
Место обучения: БГТУ, кафедра ЭУП.
Формы: стихи.
Жанры: мистика, реализм.
Остальное: любит кошек и хэнд-мейд, и не любит рыночные отношения. Мечтает о полицейской форме и карьере.

Кирилл Ладнюк

Место рождения: Брянск.
Социальный статус: молодой специалист.
Статус в клубе: главный по прозе.
Место обучения: БГТУ, кафедра ПТЭ.
Формы: малая проза, изредка стихи.
Жанры: фантастика, постмодернизм.
Остальное: Постоянный участник Семинара прозы при Брянской писательской организации. Любит вомбатов.

Юлия Герасимова

Место рождения: Выгоничи.
Социальный статус: студент.
Место обучения: БГУ.
Формы: стихи.
Жанры: городская и пейзажная лирика.
Остальное: творит с 11 лет. Окончила школу искусств по классу хореографии и фортепиано. Увлекается танцами.

Анастасия Шамаро

Место рождения: Погар.
Социальный статус: студент.
Статус в клубе: активный участник.
Место обучения: БГТУ, кафедра ИПиП.
Формы: стихи, проза.
Остальное: многократно отмеченная отличница и активистка. Пишет с малых лет.

Цитата номера:

То, что написано без усилий, читается, как правило,
без удовольствия.

С. Джонсон

Загадка номера:

*Из какого произведения
была взята идея?*

Удав, проглотивший Кремль
и Собор Василия Блаженного

Загадыватель - Алёна Шатохина.

Ответы присылайте на наш e-mail с пометкой «загадка»

Голос редакции

Остро нуждаемся:

- в свободных журналистах;
- в фотокорах;
- в дизайнерах и верстальщиках;
- в людях, знакомых с Adobe InDesign и/или Corel DRAW;
- в людях, умеющих рисовать в графических редакторах;
- в критиках и перфекционистах;
- ну и просто в новых лицах со свежими идеями.

*Обращаться по координатам, указанным ниже,
либо же в аудиторию 241 нового корпуса.*

Анонсы

Следующий
выпуск будет
посвящён

пятилетию нашего
литературного
клуба.

Наша маленькая,
но амбициозная

редакция

планирует

расширить

разделы и их

количество,

поэтому смело

присылайте свои

материалы. Мы

их обязательно

рассмотрим.

*И да пребудет с
вами Сила.
Сила слова,
конечно же.*

Мы ждем ваши стихи, рассказы, эссе, статьи и обзоры по адресу:

ekvatorbstu@gmail.com

Подписывайтесь на нашу страничку в контакте:

http://vk.com/ekvator_public